

18+

рак

И

ЖЕМЧУЖНИЦА

НИКОЛАЙ ПОПОВ

Николай Попов
Рак и Жемчужница

«Издательские решения»

Попов Н. Е.

Рак и Жемчужница / Н. Е. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512374-9

Книга, изначально задуманная как роман о самолётном спорте, неожиданно для самого автора превратилась в детективно развёрнутое повествование. Противостояние романтики неба и страсти к обогащению переплетаются в клубок событий, в которые помимо своей воли попадают главные герои романа. Борьба чистых помыслов и грязных побуждений неизбежно приводят противоборствующие стороны к непредсказуемой развязке, а ссылки на утерянные сокровища Наполеона Бонапарта лишь побуждают читателя добраться до истины.

ISBN 978-5-00-512374-9

© Попов Н. Е.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6
Часть 1	9
Мечта	9
Парень из чёрной «Волги»	12
Ключ	13
Дядя Слава	16
Неспортивные пистолеты	30
Встреча	41
«Соратник по оружию»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рак и Жемчужница

Николай Ефимович Попов

Благодарности:

Вия Трофимовна Малова

© Николай Ефимович Попов, 2020

ISBN 978-5-0051-2374-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Моим наставникам и друзьям
по Альма-Матер посвящается.*

Автор приносит извинения за некоторые несоответствия типов самолетов на иллюстрациях и в повествовании романа.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Помню, я долго боялся чистого листа бумаги и ручки, лежащей на белой поверхности. С беспокойством глядя на кончик пера, я думал об ответственности перед своими потенциальными читателями. Уже работая корреспондентом в местной прессе и, как говорится, «набив руку» в статьях, очерках, репортажах, я постоянно занимался русским языком и заново выполнял все упражнения из учебников по школьной программе, поскольку считал, что писать надо всегда грамотно, без ошибок. Мне говорили, мол, пиши, не думай лишнего, пусть редакторы и корректоры тебя поправят, у них работа такая, а главное в литературном произведении – его художественная ценность. Всё верно. Однако мир так устроен, он стремится к совершенству, а мы – часть этого мира и следуем за ним. Каждый из нас поступает так, как он хочет, и делает то, что он может. В любом деле прежде, чем начать задуманное, надо слегка пофилософствовать, прикинуть свои возможности, поставить впереди цель, чтобы на чистом листе увидеть её исполнение на кончике пера.

В наше время перо заменил компьютер. Он же за нас готов просчитать на сто лет и вёрст вперёд. И даже назад, если хотите. Но совершенной технике не достигнуть человеческого совершенства. Компьютер может сочинить стихотворение, музыку, нарисовать картинку, написать рассказ на заданную тему. Спору нет. Он знает и помнит больше слов, но не умеет ими пользоваться. Как любовь начинается с души, так и слово, написанное живой рукой, идёт от чувства. «И тянется рука к перу, перо к бумаге...» Вспомнили? И вот уже кружится голова, и наши мысли обретают словесную форму.

Уважаемый читатель (если таковой найдётся), очевидно, ждёт от предисловия автора каких-то нравучений или наставлений по поводу предстоящего «чтива». Нет. Никаких наставлений! Я сам себе автор и редактор в одном лице. PONY – это не маленькая «тёмная лошадка», а всего лишь аббревиатура моего полного имени.

Сейчас наступает новая эра – информационная эра, время свободной информации. Свободной не значит «что хочу, то и ворочу» или пишу (хотя случается и такое), но в том смысле, что печатная продукция перестала быть монополией государства, а издать небольшую книгу в наш век высоких технологий можно просто не выходя из дома.

Сколько километров местных и столичных коридоров я прошёл в советское время, чтобы напечатать свой роман «Рак и жемчужница»! А ещё раньше перевод с английского Генри Райдера Хаггарда «The yellow god». Этих коридоров несомненно хватило бы от Мичуринска до Москвы. Умные дяди и тётки отписывали рецензии, в которых встречались грамматические ошибки. Тогда ведь правильного Word-а ещё не было и проверять за ними было некому, потому без зазрения совести на одной странице они называли меня Поповым, а на другой Петровым. Ругали почём зря. Хаггарду тоже досталось. Бедняге, ему-то за что. Перевернулся бы в гробу, прочти он «железные» доводы доморощенных идеологов марксизма-ленинизма. Я имею в виду замеченные московскими рецензентами элементы расизма и мистики в романе английского писателя «Жёлтый бог».

Не один раз, следуя «ихним» указаниям, я переписывал свой роман «Рак и жемчужница»: вырезал, менял, вставлял новое. В этом, надо сказать, была и положительная сторона – роман раз за разом менялся к лучшему. Но критиковали однако. Кому-то не нравилось одно, кому-то нравилось это, но почему-то не нравилось другое. Сколько людей – столько и мнений. Иногда хвалили, мол, написано хорошо, даже талантливо. Хоть шерсти клок. К настоящему времени из всех полученных мною рецензий осталось две. Одна отрицательная, написанная неким Н. Архангельским. Не помню кто таков. Я знал одного блаженного Николая Архангельского в Окском заповеднике Рязанской области. Хороший человек. Другая рецензия положительная нашего тамбовского писателя Алексея Шилина. Надо отдать должное Тамбовской писатель-

ской организации, они отнеслись к моей рукописи достаточно серьёзно. Спасибо им за это, ведь я – легка мне эта речь – не считаю себя писателем.

Не считал и после того, как расстался с Тамбовским авиаспортклубом, не считаю и сейчас. Но написать о лётчиках мне очень хотелось. Какое-то время возвращался обратно в клуб, собирал нужную информацию, общался с друзьями, печально бродил по аэродрому, глядя на небо, вспоминая былое и не былое, перемешивая реальные события с виртуальными. Сюжет обрастал картинками, сценами, вымышленными либо когда-то звучавшими то ли здесь, то ли в великом граде Киеве, то ли в несуществующем на карте городе Роменске.

Говорят, что писатели любят читать свои произведения. Вы знаете, это правда. Особенно те, кто пишут мемуары, ведь для них они как дневниковые записи. Сколько раз я читал свою рукопись, столько раз и правил её, но теперь у меня такой возможности не будет. А жаль.

Когда я почувствовал, что могу взять в руки перо и писать, как говорят музыканты, «с листа», – вернулся домой, чтобы осуществить задуманное. Но вскоре понял, что чего-то не хватает. Неожиданно ко мне в руки попадают исторические документы: Наполеон Бонапарт, его морские похождения, сокровища и так далее и тому подобное. И снова закружилась головка, как у Роберта Луиса Стивенсона: «Пиастры! Пиастры!» – кричал попугай. Свершилось. Вот оно. Мне нужен негатив. Чтобы сравнить чёрное с белым или белое с чёрным. Как правильно? Вы не знаете? И я не знаю. Закон единства и борьбы противоположностей, его диалектическое развитие. Но это уже философия. Впрочем, почему бы не пофилософствовать. Кто меня остановит? Время, правда, потраченное на чтение моей книги, останется всё-таки вашим. А время в магазинах не продают. Время – деньги. Можно столько-то заработать или не заработать столько-то.

Архангельскому не понравилось название романа, простая «биологическая ситуация»: рак и жемчужница, дескать, какое отношение они имеют к содержанию изложенного. А вот Шилин, наоборот, увидел нечто страшноватое в первом слове и романтическое во втором, «беспощадность одной стороны по отношению к другой». Конечно же, здесь речь идет, прежде всего, о людях.

Я говорил о философии? Извольте. Не подумайте лишнего, но она имеет прямое отношение не только к теме нашего романа, но и вообще ко всему на свете. Мне так видится (и не я один такой умный), что наш мир и ход истории всегда представлен альтернативой. Человеку постоянно приходится что-то выбирать. Нам достался в наследство от природы мир контрастов. Всё противопоставлено всему. Плюс – минус. Левый – правый. День – ночь. Белый – чёрный. Холодный – горячий. Скупой – щедрый. Добро – зло. Бог – сатана. И наконец, совсем уж запредельное: мир – антимир. Дальше можете продолжить сами, но попробуйте из выше-или нижеперечисленного убрать один компонент. Другому будет не просто плохо – случится катастрофа. Что станет с положительно заряженными ядрами атомов, если отнять у них отрицательные электроны, нам показали на примере Хиросимы. Левая рука не может жить без правой, как день не обходится без ночи. А представьте, что вокруг остался только чёрный цвет, и в кране течёт только холодная вода, все в городе вдруг стали жадными или, наоборот, до безобразия щедрыми. Кто скажет нам, что вот это есть добро, не будь зла? С чем мы сможем сравнить хороший поступок? Ну, конечно же, с плохим. Писатели-фантасты говорят, что, если мир соединится с антимиром, произойдёт аннигиляция, т. е. взаимоуничтожение. Брр!

Аркадий Райкин по-своему понимал закон единства и борьбы противоположностей: «... пусть всё будет, пусть изобилие будет, но пусть чего-то не хватает». Я забыл упомянуть ещё одну важную пару контрастов: бедный – богатый. Это те же плюс и минус. Именно отсюда начинается цепная реакция в виде войн и революций, когда бедные не могут уже жить по-старому, а богатые не могут управлять по-старому.

Не могут – заставим. Или не заставим, больно надо, ещё что-то предложим. Снова два варианта и более. Аналогично во всём и повсюду.

Однако вернёмся «к нашим баранам», к примитивной «биологической ситуации», то есть к страшному раку и романтической жемчужнице.

Страшный рак подкрадывается к романтически задумавшейся жемчужнице и настырно ждёт своего часа. Ни о чём не подозревая, жемчужница поворачивается к раку и, томно зевая, на миг усыпляет свою бдительность. Рак тотчас же засовывает клешню внутрь. Жертва, застигнутая врасплох, хочет откупиться и предлагает свой жемчуг в двадцать пять каратов, на что рак лаконично отвечает бедной ракушке: «И жемчуг тоже!», после чего поедает последнюю. Вывод: не разевай рот. В детстве у нас в доме была большая синяя книжка. Мама любила её читать медленно вслух. Мне было жалко жемчужницу. Я не знал тогда, что Орбелиани, сочинивший эту сказку, сознательно привёл её к печальному концу, видимо, тоже поплакал «в тряпочку». Но что делать. У всего есть своё начало и неминуемый конец. Вот вам ещё одна сакральная пара противоположностей.

Наш с вами роман (позвольте мне так говорить) закончится хорошо. По просьбам читателей внесены исправления и дополнения, опущен фанфарный конец. Ну а что касается ребёнка, который кричит в самом начале и в последней главе – так это же дети. Они что думают, то и говорят. Не то, что мы.

Мичуринск

9 февраля 2020 г.

«Когда жемчужница плавает в море, она раскрывает рот, однако, увидев рака, тотчас его закрывает. Рак, подплыв к жемчужнице, приставляет клешню к самому её рту. Стоит ей слегка приоткрыть рот, и рак тотчас же засовывает клешню, постепенно забирается внутрь и выедает всё, что есть в ней живого».

(Сулхан-Саба Орбелиани)

«Я люблю их общество... постоянный риск, любимый и опасный труд, вечная напряжённость внимания, недоступные большинству людей, ощущение страшной высоты, глубины и удивительной лёгкости дыхания, собственная невесомость, чудовищная быстрота – всё это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего лётчика обычные низменные чувства: зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь – и в ней остаётся чистое золото».

(А. И. Куприн)

Часть 1

Мечта

– Папа, папа, смотри, самолёт сломался! – звенел, полный отчаяния, детский голос.

В небе в самом деле творилось непонятное. Маленький красный самолёт закружился, словно волчок, взмыл вверх, потом как-то странно начал раскачиваться – и вдруг стал падать. Заглох двигатель. Всё ниже падает самолёт, а земля всё ближе и ближе.

– Он падает, папа! – испугался мальчик и зарылся лицом в отцовскую куртку.

– Не бойся, не упадёт, – успокаивал малыша отец, хотя и в его голосе уже проскальзывали тревожные нотки. Что же это? Ну! Ещё секунда – и будет поздно. Но тут мотор заработал, и самолёт, описав красивую параболу, полез вверх.

– Ну, посмотри теперь, – выдохнул отец, поворачивая мальчонку лицом к небу.

– Ура! – закричал мальчик, и его «ура» далеко разлетелось по аэродрому, подхваченное сотнями голосов.

Финальные соревнования по высшему пилотажу были в разгаре. Одна за другой взмывали в воздух краснокрылые птицы, а люди, задрав кверху головы, восторженными глазами провожали каждую из них. Диву даёшься, как можно заставить машину так крутиться, переворачиваться через крыло, идти то носом вперёд, а то и хвостом вперёд. Вот самолёт идёт по горизонтали, как вдруг, словно лёгкое птичье пёрышко, полетел вниз. Впрочем, это уже не полёт, а падение. Один виток, другой, третий – вращение прекратилось, прекратилось падение – машина снова упрямо лезет в голубую высь.

– Хороший штопор, – заметил мужчина средних лет, из-под руки наблюдая за самолётом.

– И «гайку» завернул неплохо, – добавил молодой человек, стоявший рядом с ним.

– Ты, Лёня, все фигуры что ли знаешь? – спросил мужчина.

– Ну, не все. Их так теперь много, Анатолий Васильевич. А ещё разновидности? – поскромничал молодой человек, которого называли Лёней.

– Вот эта как называется?

– Похоже на цветок.

– Это «эдельвейс».

– Подождите. Кажется, я знаю, что сейчас будет.

Лёня пристально смотрит в небо. – Да, это знаменитая «абракадабра», когда самолёт совершает вращения вокруг трёх осей.

– Молодец!

– А кто это там, Анатолий Васильевич?

– Муслим Гасанов.

– Чемпион страны?

– Ещё раз молодец. Тебе, Алексей, надо к нам в клуб. Парень ты башковитый, да и на вид крепкий, хоть и талия узкая, – дружески похлопал инструктор польщённого юношу по плечу. – Сколько тебе лет?

– Двадцать один.

– Давно пора.

– Я и сам думал, но боюсь, не потяну. Университет жалко.

– А я в твоё время сам учился в институте, правда, занимался не иностранными языками, как ты. Окончил исторический факультет, а в авиаклубе готовился сдавать на мастера спорта. Вот так. Одно другому не помешало. Наоборот. Чем больше ты занят, тем больше успеваешь.

Лёня Корнеев внимательно выслушал инструктора, прищурившись, следил за самолётом. Ему было о чём задуматься. В первый раз, когда стукнуло всего пять лет, над их домом низко пролетел вертолёт. Он сделал вираж и вдруг застыл на одном месте. Лёня, как замороженный, следил за винтокрылой машиной, а когда она сдвинулась с места, проводил её глазами, пока не скрылась из виду, и стремглав побежал домой. Ещё с порога закричал: «Мама, я хочу стать лётчиком!» – и замахал над головой руками, изображая лопасти. А когда устал махать, расставил руки в стороны и закружился по комнате.

Прошли годы. Лёня окончил школу и поехал поступать в военное училище. Врачи тогда осмотрели его и сказали: «Молодой человек, вы не сможете стать лётчиком. Во всяком случае, военным лётчиком». С тяжёлым сердцем возвращался Лёня в родные пенаты. Он решил: раз не смог поступить в военное училище, поступать в другой ВУЗ не будет, а пойдёт на завод, как многие его однокашники. И пошёл на завод.

Но было у него одно серьёзное увлечение. Иногда сестра-учительница приглашала его в школу. Лёня брал в руку микрофон и, как он самоуверенно считал, с отличным произношением наговаривал на плёнку английские тексты. «С такими знаниями не грех поучиться и дальше», – говорила сестра. Не грех. И вот теперь Алексей Корнеев – студент третьего курса Роменского государственного университета.

Лёня сложил ладони трубочкой и, как бинокль, приставил к глазам. Следить за самолётом стало удобнее. Ветер трепал его чёрные как смоль волосы. Плотно сжатые челюсти выявляли и без того худое лицо. Несмотря на свои двадцать с лишним лет, бриться Лёня начал недавно. Как-то издали приехал погостить брат и однажды с усмешкой заметил: «Тебе помочь или сам соскоблишь куриный пух?» Пришлось взяться за безопаску. Усы сбривать не стал. Пусть растут. С ними, говорят, солиднее.

А моторы всё гудят и гудят в небе. На какой-то миг шум будто бы замирает, как вдруг, словно разбуженный в клетке лев, несётся с высоты нарастающий сердитый рёв. Лёня так увлёкся, даже не сразу понял, что Анатолий Васильевич ему о чём-то рассказывает.

– Чтобы так научиться летать, – донеслось до его ушей, – надо не один год подержаться за ручку управления. С земли вроде бы ничего необычного, легко и красиво. А сколько проделано работы. Вот сейчас смотри: «штопорная бочка»... – Инструктор говорил, а Лёня слушал и уже видел себя в кабине самолёта. Вот он, как ему сказали, берёт ручку на себя, и нос самолёта устремляется в голубую даль неба. Спокойно, не торопись, набери необходимую скорость. Вот так. Теперь можно убрать шасси, установить нужный режим работы двигателя, осмотреться. Какое чудо! Сколько простора!

– Полёты – это не прогулки над зреющими хлебами, – слышит Лёня голос Анатолия Васильевича. – Надо учиться выполнять фигуры пилотажа, тренироваться, чтобы выдерживать перегрузки, а они, брат, не малые. В тот момент, когда...

Лёня с ним согласен. По совету инструктора «проверил» расчётную высоту, «потрогал» привязные ремни – и вдруг «бросил» самолёт в пике. Сиденье не ощущается, но вот он потянул на себя ручку, и сразу же на него наваливается страшная тяжесть, тело вжимается в сиденье, руки и ноги словно свинцовые, в глазах потемнело. Ручка на себя, и движение по кривой прекращается, исчезает и перегрузка. Снова вверх. Крена нет, скольжения нет, свечой вверх. Стоп! Ручка от себя – самолёт замирает на вертикали. Лежишь на спине, перед глазами глупое чистое небо.

– А теперь «управляемая бочка» с выходом на спину, – продолжает инструктор. – Делается это полной отдачей ручки вправо, смотреть надо влево, назад и вниз.

Лёня поморщился, пытаясь осознать значение инструкции. Анатолий Васильевич шутиливо подтолкнул его плечом. – «Тяни за ручку!». Да, конечно, он почти всё понял, но «висит», однако, вниз головой, хорошо на привязных ремнях. Самолёт тем временем летит вверх колёсами. Снова падение, снова пе

даль. Какая-то «отрицательная бочка», с ума сойти. А-а, горизонтальный полёт. Что, ещё фигура? Интересно. «Колокол». Серьёзная штука. Снова свечой вверх. Убираем газ, самолёт теряет скорость. Наступает момент – и он зависает в воздухе. Сейчас упадёт. Вот началось движение в обратную сторону. Вниз. Хвостом вперёд. Машина дрожит. Рули дёргаются.

– Он должен упасть вперёд, – предсказывает траекторию полёта Анатолий Васильевич, – так и есть. Всё. Отмашка крылом для судей. Это значит, что выступление закончено.

– А посадка? – улыбается Лёня.

– Ты прав, момент ответственный.

Самолёт делает разворот на посадку. Выпущены шасси. Последняя прямая. Стремительно приближается посадочная полоса. До земли осталось пять метров, четыре, три, два, один. Плавно ручку на себя. Земля легко подталкивает снизу, и машина сначала быстро, потом, замедляя свой бег, катится по зелёной траве аэродрома. Лётчик открывает фонарь. Свежая струя воздуха бьёт в лицо. Ах, как прекрасна земля!

Парень из чёрной «Волги»

Чёрная «Волга», далеко отбрасывая комья земли, шла по мягкому полю к автостраде. Только что прошедший дождик подмазал едва видневшуюся из травы грунтовку, и водитель энергично крутил баранку то в одну, то в другую сторону.

– Эх, надо было по дороге ехать, – вслух проговорил водитель, – а тут, видно, редко ездят.

Он громко чертыхнулся, объезжая лужу, и в следующий миг машина забуксовала задними колёсами. Водитель погазовал ещё немного и остановил двигатель. Он открыл дверцу, посмотрел на заднее колесо, на исковерканную машиной землю, на свои чистые полуботинки и, всё-таки вылезая из машины, опять вслух сказал:

– Ну что я теперь скажу шефу?

От досады на его молодом, красивом лице появились морщинки. Черные, сросшиеся на переносице брови нахмурились. Он обошёл машину сзади и ещё больше нахмурился.

На вид ему было лет двадцать пять. Тщательно выбритые до синевы скулы, чуть прищуренные глаза. Густые вьющиеся и, по всему видно, жёсткие русые волосы закрывали уши, ложились на ворот белой рубашки. Он вытянул вверх руки, хрустнул пальцами, поправил новенькие с отворотами джинсы, стянутые мягким ремешком, и проворчал:

– Пешком сегодня пойдёт моё начальство, – снова сел за руль и откинулся на спинку кресла. После завывания мотора и надсадного буксования стало тихо. Через открытую дверцу доносилось пение жаворонка. В кабину влетела пчела, ударилась о смотровое стекло и заметалась, пытаясь во что бы то ни стало продолжить полёт, наконец, оттолкнулась от стекла и проворно поползла по шершавой плетёной баранке.

– Пешком пойдёт начальство, – повторил водитель чёрной «Волги» и усмехнулся.

Пчела вновь перелетела на стекло и звонко зажужжала.

– Эй, проснись! – сквозь сон слышалось Дмитрию. Он открыл глаза и прямо перед собой увидел черноволосого паренька с редкими усиками.

– Ты ночевать тут будешь? Вставай, мы тебя вытащим, – проговорил паренёк и вытянул из кабины голову. – Он спал, Анатолий Васильевич.

Дмитрий протёр глаза. Перед его «Волгой» стоял новенький ПАЗ.

– У тебя трос есть? – снова просунул голову в кабину паренёк.

Дмитрий отрицательно мотнул своей шевелюрой и полез из кабины. Паренёк тем временем шмыгнул в автобус и вскоре появился с тросом в руках. Он наклонился к «Волге» и, не найдя за что зацепить, вопросительно глянул на водителя. Тот перехватил у него трос, сунул под машину руку, закрепил конец и так же быстро прикрепил трос к автобусу.

– Готово. Заводи, поехали. Давай! – скомандовал паренёк.

Обе машины взвыли моторами. ПАЗ закрутил четырьмя колёсами по осклизлой дороге, выпустил облако синего дыма и легко вытянул чёрную «Волгу» из глубокой, грязной колдобины. Водитель выпрыгнул на дорогу, снял трос, подошёл к пареньку.

– Спасибо. Дальше своим ходом, – сложил испачканную ладонь лодочкой, протянул руку.

– Колосков Дмитрий.

– Алексей Корнеев, – почему-то смущённо ответил паренёк. – Ну, пока. Авось ещё встретимся, мир невелик.

– Будь здоров.

Автобус уехал. Дмитрий постоял немного и решительно направился к своей «Волге».

Ключ

Лето в этом году выдалось жарким, безоблачным. Июнь заявил о себе сразу: подошли травы, потянулись хлеба, деревья оделись листвой. Знойный июль ещё не наступил, а всем уже хотелось дождя, прохлады, одним словом, защиты от немилосердного, плавящегося над головой солнца. «Ещё три-четыре дня такой жаркой атаки – и трава обратится в пепел», – говорили на косовице люди и косили поникшую, обманутую солнцем зелень. На берёзах появились жёлтые листочки и, когда шалый ветер проверял их на прочность, они обречённо отпускали ветви, улетаая в первый и последний полёт до земли.

А в городе прочно поселилась духота, пахло гудроном, на раскалённом асфальте отпечатались сотни каблучков. Перед бочками с квасом и пивом выстраивались длинные очереди. Ехать «в час пик» городским транспортом было невыносимо.

Лёня Корнеев задержался в дверях университета, раздумывая, идти ли ему на троллейбус или пройти, как всегда, пешком по набережной.

– Корнеев, – вдруг услышал он голос декана. Юрий Павлович, немолодой седеющий мужчина, стоял на ступеньках, наклонившись вперёд, сквозь толстые стёкла очков рассматривая Алексея, словно сомневаясь он ли это. – Корнеев, это ты? Иди-ка сюда, – бесцеремонно позвал он.

Лёня быстро поднялся по ступенькам.

– Лёнь, дело есть на полмиллиона, – шутиливо сказал декан. – Тут мой юрист изъявил желание помочь.

«Юристом» он называл своего сына Николая, который учился на юридическом факультете. Сквозь стёкла очков глаза декана казались маленькими и злыми. На самом деле он был очень добрым, к тому же с прекрасным чувством юмора.

– Вы, кажется, с ним друзья? – спросил Юрий Павлович.

– Он мне показывает приёмы самбо, – ответил Лёня.

– Ну, самбист. Сам не умеет, а уж других обучает. А вот и он.

В коридор вышел атлетического телосложения парень лет двадцати и тоже, как отец, в очках.

– Значит так, ребята. Хоть вас и мало, пожалуй бы надо, но задача такова. Деканат мы переводим в смежную комнату, а из старого кабинета надо вынести три стола и штук двадцать стульев. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Лёня заглядывал иногда в деканат, но всякий раз думал о назначении длинной, почти от потолка и до пола широкой красной портьеры за спиной декана. Юрий Павлович теперь отодвинул её. За портьерой появилась небольшая, обитая чёрным дерматином дверь. За дверью маленькая площадка и каменная лестница, ведущая вниз. Вспыхнул свет.

– Столы и стулья снесёте вниз и налево в подвал. Я буду у себя. Как сделаете, скажете, – распорядился декан.

Столы оказались неподъёмными. Пришлось снять пиджаки. На лестнице задержались. Лёня повернул голову направо:

– Смотри, Соболев, окно.

– Там внизу тир.

– Тир? С ума сойти, ведь вход чуть ли не с противоположной стороны. Вот бы не подумал. Я, знаешь, как зайду в помещение, сразу теряю ориентировку. Вот за этой стеной понятия не имею, что там?

– Там люди идут по тротуару, а это окно выходит в коридор, где пули свистят.

– Ты любишь приключения, Соболев?

- По телевизору.
- Эх, Соболев, Соболев. Ты глянь, какие здесь стены. Вряд ли тут всегда был университет.
- Папа говорил, что до революции здесь обучали царских офицеров.
- Много там ещё этих стульев?
- Восемь. Ты сейчас домой пойдёшь?
- Нет. У нас завтра зачёт – я в читалку.
- Эх, Лёня. Учиться надо на первом курсе, а ты уже третий заканчиваешь. Пойдём ко мне, музыку послушаем, я тебе новый приём покажу.
- Не могу. Сейчас девочки придут.
- Девочки не придут. Я лучше знаю твоих девочек.
- Всё равно не могу. Я в читалку.
- Ну, как знаешь.

Пробило девять. Читальный зал закрывался. В десять часов университет совсем опустеет, уйдут последние студенты с подготовительного отделения. Лёня поднялся на факультет. Ему нравилось бродить по пустынному зданию, слушать тишину университета. Он слышал собственные шаги, днём их не услышишь, чувствовал, как гулко бьётся сердце. В здании уже начинали ремонт, кое-где стояли подмости, стулья, в углу грязные кисти, мастерки, прорвавшийся мешок с алебастром. Лёня подлез под досками лесов и поднялся в 71 аудиторию. Это единственная аудитория, которая не запиралась на ночь. Вот доска. Можно писать. Слышно, как осыпается мел и посвистывает за доской где-то на железной петле гвоздь. Лёня подошёл к столу и сел лицом к воображаемой аудитории.

Сколько же вас много с умными лицами! Галя Чепрак сидит за первым столом и доверчиво смотрит на преподавателя. Ах, Галочка, если б ты знала, какие у тебя глаза! Ты знаешь, что ты красива. Оттого и кокетничаешь? Валера Соломенцев. Ты чего так насупился, Валера? Нет, нет, ты не подумай, пожалуйста, я сейчас пересяду к тебе. Мне пока так лучше – я вас всех вижу, сразу всех. Думаешь, мы поссорились? Дудки. Со мной нельзя поссориться, и у меня нет врагов. Я не беспринципный, просто нет времени наживать их.

Гриша Шаповалов с немецкого отделения. Вот с кого надо брать пример. Смотрите – он пишет лекцию. Девочки за задним столом, чем вы там заняты, и чей клубочек с ниткой лежит в проходе? Серёжа, опять пятиклетка? А ну-ка посмотрели все на доску. Я не преподаватель, я только учусь. А придётся работать в школе? Точно буду работать. Чего мне бояться? Не всем же горшки обжигать. Переводчиком, говорят, престижнее. Но это только говорят. А все знают, что в нашем городе переводить пока нечего, разве только харчи, как изволит шутить юрист Коля Соболев. Посему я завтра отправляюсь в общежитие к Грише за консультацией по немецкому языку. Вот вам человек с твёрдой волей: как сказал, что будет учиться с первого до последнего дня, так и держит слово. Молодец! Думаете, он весь в учении, даже в кино не ходит? Ходит. А однажды я его видел на концерте в филармонии. Ну, а почему бы и нет. Верно. Надо много читать, заниматься спортом, чёрт побери, ведь не зря кругом толкуют о гармоничном развитии личности. Всё. Будем решать. Значит, авиаклуб, самолёты. Анатолий Васильевич прав – одно другому не должно помешать. Учёба спорту не помеха. И наоборот.

Лёня встал из-за стола, подошёл к пианино, наступил на педаль и нажал на клавишу. Мелодичная «до» задрожала по аудитории. Лёня отпустил педаль – нота оборвалась. Где-то тихонько хлопнули двери. Лёня прислушался, закрыл пианино и вышел в коридор. Ему ещё хотелось заглянуть на «голубятню». Так называли небольшой класс, 104 аудиторию, расположенную выше третьего этажа на одном уровне с чердаком. Туда вела железная лестница, и было очень темно. Темнота нравилась Алексею. Нравилось нащупывать ступеньки, пробираться к двери, искать ручку. Свет в классе он никогда не включал – на улице горел фонарь, в аудитории было светло. И тихо-тихо.

Лёня решил сначала дойти до старого деканата. Время ещё позволяло. В глубине при- тихшего коридора едва виднелась белая дверь. Она была открыта. «Юрий Павлович так и не закрыл её», – подумал Алексей. Он вошёл в кабинет и остановился против обитой дерма- тинном двери, через которую днём они с Колей выносили столы. Из замка торчал ключ. «Ну вот, даже ключ оставил в замке. Ух, ты, какая там темень!» Лёня убрал из дверного проёма голову, прикрыл дверь, не запирая её, и вытащил ключ. Некоторое время он внимательно изучал его, словно от этого ключа по всем законам приключений сейчас зависело очень многое. Он начал играть. Да. Вот он этот ключ, который все искали. Боже мой! Что же делать? Надо его спрятать. Нет! За ним скоро придут! Вернуть обратно! Всё. Уходим!

Лёня засунул руки в карманы, шагнул к выходной двери и хотел выйти в коридор, как вдруг пальцы нащупали в кармане другой ключ. Это был его ключ от квартиры. Ага! Он достал его, с прищуром осмотрел со всех сторон, затем осторожно вставил в замочную скважину. Замок, щёлкнув два раза, выбросил из себя длинный язычок. Вот это да! Ключик-то в пору! Пожалуй, наш «ларчик» можно запереть.

В это время где-то снова хлопнула дверь.

«Что это? Неужели закрывают?» – всполошился Алексей. Он вскинул руку, но в окошке электронных часов в темноте ничего нельзя было различить. Оставив дверь деканата открытой, Лёня торопливо зашагал по коридору, прошёл мимо актового зала. Снова посмотрел на часы. Половина десятого. «Я только на минутку», – решил он и свернул на «голубятню». Вот она железная лестница. Лёня нащупал ногой первую ступеньку и стал подниматься. Лестница кон- чилась. Налево дверь на чердак. Она всегда заперта. Направо 104 аудитория. Лёня подошёл поближе, взялся за ручку и потянул её. Дверь не подавалась. Он дёрнул сильнее – напрасно. Чёрт возьми, да она заперта! Кому вздумалось закрыть класс на замок?

В это время Лёне послышался шорох. Он обернулся – дверь напротив, ведущая на чер- дак, была открыта. Алексей замер, отсчитывая секунды, успел подумать, что уже навсегда при- лип к полу. Дверь не была распахнута. Но замок. Проклятье! Вчера тут висел огромный замок на громадных петлях. А сейчас? Так. Засов отодвинут. Прекрасно. Лёне даже показалось, что дверь покачивалась. Это она скрипнула. Некоторое время он стоял не двигаясь, затем сделал два шага вперёд – и ринулся вниз по лестнице, выскочил в коридор и остановился. Ключ! Он оставил в деканате свой ключ. Ах, какая досада! Спотыкаясь о стулья, Лёня побежал, протис- нулся под досками лесов, влетел на факультет и, рискуя в темноте сломать шею, глядя на белую дверь в глубине коридора, побежал к ней.

Рука замерла на пустой замочной скважине. Ключа не было!

Дядя Слава

1.

Чёрная «Волга» мчалась по автостраде. Солнце закатилось за горизонт, оставив, будто на время, незаконченную работу на полотне неба. Многоцветные краски блёкли от жёлтого к голубому, синему, обнажая звёзды уже на тёмно-фиолетовом небосклоне. Чернота неба постепенно вытесняла зарю. Остались лишь две узкие полоски, похожие на языки пламени неопределённого цвета. Звёзды становились ярче, и только на южной части небосвода их не было вовсе, потому что с юга надвигалась туча. Она стремительно приближалась, бесцеремонно слизывала звёзды, быстро погасила дотлевающую зарю, закрыла чуть ли не добрую половину неба. Было тихо, как перед боем, – ни молнии, ни грома, ни ветра. Дождь. Благодатный дождь. Его ждали, но почему-то тревожным казалось затишье, может, от того, что заметно упало барометрическое давление.

Дмитрий включил фары. Впереди показался мост, а за рекой городские огни. Он поднялся над баранкой, пытаясь рассмотреть край тучи, как вдруг неожиданно она вспыхнула ярким пламенем, охватив пожаром всё небо. Молния ударила в воду. Затем поднялся ураган. Дождя почти не было: сильный ветер уносил его прочь. Под его могучим дыханием длинные стебли камыша по берегам реки легли на воду. Ветер ворвался в кабину, перекошил зеркало. Дмитрий поспешно завернул стёкла, прибавил газу.

В городе шёл дождь. Машина с ходу въехала в водяную завесу. Гроза усиливалась. Как огромные мечи, крест-накрест рассекавшие черноту неба, молнии слепили одна за другой. Казалось, что приподнимись немного – и не сносить головы. Гром грохотал с такой силой, будто сама земля, вконец измученная, кружась, летит в преисподнюю. Вода низвергалась с неба сплошным потоком. Тополиные ветви, сплетённые в причудливые руки, колыхались и стонали под ветром. На обочине дороги образовался поток. Подражая горной речушке, собирая бумаги и листья, он покатился по улице Горького, выплёскиваясь на тротуар, но, повинувшись горбатой дороге, покорно свернул в Тихий переулок.

Машина, хрустнув тормозами, остановилась возле двухэтажного домика.

– Кто там? – послышался за дверью женский голос.

– Это я, мама.

Дверь отворилась. На пороге появилась женщина лет сорока пяти.

– Опять на машине и опять куда-то ездил, – с укоризной заметила она сыну. – Дима, ты заезжал на работу? Ведь не заезжал, я по глазам вижу, не заезжал. Ты, наверное, забыл, как уговаривал директора взять тебя? А он теперь ждал.

– Не велика птица, – проворчал Дмитрий. – Ну, не успел я, мама. Смотри, что там делается.

Они вошли в дом, в котором к настоящему времени по прибытии Дмитрия из Киева жили вдвоём. Оксана Дементьевна недавно потеряла мужа, и возвращение Дмитрия стало для неё утешением. После того, как он вновь вернулся к ней, она стала побаиваться сына, молчаливого, неразговорчивого, и втайне надеялась, что он скоро женится и всё станет на своё место. Дима не ладил тогда с отчимом. Он не старался обострять с ним отношения, потому что не хотел доставлять матери неприятностей. И кто знает, чем бы всё это кончилось, если бы не письмо Раисы Дементьевны из Киева. Она предлагала ему переехать к ней и устроиться на химкомбинате. В то время Дмитрий работал водителем такси, и Раиса обещала помочь ему поступить шофёром на свой завод; кроме того, она оставляла за ним трёхкомнатную квартиру, потому что сама с мужем уезжала на два года за границу по договору.

Если бы тогда Дмитрий мог знать, что его ожидало в Киеве, он никуда не уехал бы из родного города.

– Есть будешь? – спросила Оксана Дементьевна, с тревогой поглядывая на сына.

– Мне только кофе, покрепче, – ответил Дмитрий, поднимаясь в свою комнату.

2.

Тётя Рая любила своего племянника, была рада его приезду. Она спокойно оставляла ему квартиру, и если, уезжая, о чём-то беспокоилась, то только за его странную дружбу с братом Вячеславом Дементьевичем, в прошлом судимого, закоренелого холостяка после неудачной первой женитьбы. Нет, двери её дома никогда не были для него закрыты. Напротив. Когда он вернулся из заключения, она приютила его, пока он не нашёл себе крышу над головой, предложила работу на химкомбинате. Но Вячеслав отказался, пояснив, что достаточно наглотался «химии», и вообще не намерен связывать свою жизнь с крупным предприятием, мотивируя это тем, что, дескать, в случае увольнения сапоги стопчешь, прежде чем получишь в руки свой документ. А потому предпочёл заводу обыкновенную бензоколонку. И что бы там ни было, но ведь именно он помог их сыну Олегу поступить в лётное училище. Олег прошёл медкомиссию, хорошо сдал экзамены, но недобрал один балл. Этого было бы достаточно, чтобы не оказаться в списках зачисленных. Когда-то на заре своей юности Вячеслав Дементьевич работал в авиационных мастерских и имел хорошие связи.

Вообще, дядя Слава, как называл его Дмитрий, был далеко неординарным человеком. Не имея специального образования, он прекрасно разбирался во многом: науке и технике, политике и экономике, культуре и спорте, умел хорошо готовить, много читал, охотно высказывал своё мнение, если заходил разговор об искусстве (последнее он больше чувствовал, нежели понимал). Вячеслав Дементьевич был в курсе почти всех производственных дел и забот на заводе своей сестры. Иногда случалось, во время азартной беседы неожиданно он выдвигал, по его мнению, дельные предложения предполагаемому руководству какого-нибудь известного колхоза, в котором он никогда не был, но который непременно станет миллионером, ежели последует его советам.

Когда задевали его самолюбие, он мог в два счёта заткнуть за пояс любого и, как правило, этим «любимым» оказывался муж тёти Раи Иван Васильевич, который, несмотря на высшее образование, быстро пасовал перед дядей Славой. За это Иван Васильевич не любил своего шурина, но терпел, потому что Вячеслав Дементьевич нравился всем. Ни один праздник, ни одно застолье не обходилось без него, поскольку Вячеслав был душой компании. Он не старался выделиться, не лез, как говорится, вон из кожи – поведение его казалось естественным, равно как и речи, а случись ему быть менее разговорчивым, то одного его присутствия бывало достаточно, чтобы вечер получился приятным.

В квартире Раисы Дементьевны собирались не только её коллеги-инженеры или сослуживцы Ивана Васильевича, но народ разный, причём публика менялась. Один раз тётя Рая приводила молодого человека, представляя его как перспективного художника или архитектора, а в другой раз этот художник или архитектор «в перспективе» приходил с дамой, мастером спорта по фигурному катанию. А то и сам дядя Слава заходил с кем-нибудь, называя его изумительным дантистом, который вне очереди вставил ему золотой зуб. Случались и люди из сферы обслуживания: тех, кого мы привыкли видеть за прилавком или у окошка с лаконичной надписью – «Касса». Нет, это была не богема, но именно та среда, уважающие друг друга люди, находиться среди которых умному и уважающему себя человеку было не только приятно, но и спокойно. И все эти люди знали Вячеслава Дементьевича, и Вячеслав Дементьевич знал всех.

Часто разгорались между ними споры. Дядя Слава обычно оказывался, если не зачинщиком, то, во всяком случае, участником спора. С присущей многим русским киевлянам манерой

речи употреблять в разговоре украинские слова или целые фразы, Вячеславу «дюже» нравилось высказывать свои мысли перед образованными людьми. Он словно родился оппонентом всем и каждому. И не случайно из ряда законов философии он избрал один – закон единства и борьбы противоположностей, подчинив этому закону всё, начиная от внутрисемейных конфликтов и кончая противоборствующими мировыми системами.

– В чём, по-вашему, смысл жизни? – спрашивал Вячеслава Дементьевича не то литератор, не то корреспондент «Вечорки».

– В борьбе, – отвечал оппонент, – только в борьбе.

– Я не совсем понимаю вас. Вы имеете в виду... одну минуту, я запутался в ваших и собственных мыслях. Так вы считаете теперешнее различие между городом и деревней? – продолжая какую-то тему разговора, попытывался литератор. – Какая же это борьба?

– Нет. Вы замыслили слишком широко. Я имел в виду более узкие понятия. Ну ладно, ладно, – соглашался дядя Слава, – возьмём в мировом масштабе. У нас две системы: система социализма и система капитализма.

– Слав, а, может быть, лучше что-нибудь в более узком смысле, – подсказывала Раиса, улыбаясь женщинам.

Но сторонник борьбы уже завёлся.

– Ну, отчего же, товарищ желает знать, отчего же? Так вот, земляче, между капитализмом и социализмом существует антагонизм, противоречие то есть. А теперь представьте, что одной системы нет.

– Когда не было социализма, существовало противоречие между классом имущих и неимущих, – поддакнул Иван Васильевич.

– Ба ни. Оце я не то хотел сказать. Это знает каждый школьник по Марксу. Подумайте, что исчез капитализм. Нету его на всём земном шаре. Так де ж быть противоречию? Погодите, не перебивайте меня. Я знаю, что вы хотите сказать, – остановил дядя Слава протестующие жесты своих добровольных слушателей. – Город, деревня, умственный труд, физический труд, всякие прослойки, – нету их. Все сравнялись, всем хорошо, – в общем, дорвались до коммунизма, нет ни наций, ни рас, а есть один жёлтый человечек.

– Эх, куда его занесло, – заметил кто-то.

– Всё верно, не сомневайтесь, бо согласно научному коммунизму. Так вот я пытаю: де ж быть противоречию? Где она эта борьба будет при коммунизме?

– Далась тебе борьба. Люди добились своего, зачем же теперь бороться? Живи и радуйся, – вступила в противоречие с братом тётя Рая.

– А вот жизни-то как раз и не получится. Нет борьбы – нет жизни. Получается, что ни к чему людям коммунизм.

– Ну, ежели вам так необходима непременно борьба, она будет, – снова подал голос литератор. – Человек вступит в противоборство с природой. Он и сейчас от неё не ждёт милостей. Человек вступит в противоборство с самим собой, если хотите. Ему предстоит выйти во Вселенную и освоить её. Мир совершенствуется, этот процесс необратимый. Эволюция бесконечна, как бесконечна и Вселенная. Это и есть борьба, борьба за жизнь.

Дядя Слава прищурил один глаз, оценивая говорящего.

– Припустим. Ну хорошо. Скажем, завтра коммунизм. Все сознательные, всех накормим, всех обуем, все будут размножаться по геометрической прогрессии.

– Вячеслав Дементьевич! – запротестовала Раиса.

– Ты тоже от них не отстанешь, – продолжил дядя Слава. – Все дадут потомство: больные, хилые. Это ж демографический взрыв, это, как у Райкина: «Простите, кто последний из квартиры выходить?» Вы говорите, мол, Вселенная, но нашей техники пока хватает только до орбиты долететь с людьми. Венеру мы не скоро остудим. Нельзя туда. Вы сказали, противоборство с природой. Знаем мы, во что оборачивается такое противоборство. Природа не красна

девица. Она нам за всё отомстит. Так что лучше уж две системы бок о бок в долгой борьбе. Та же природа или бог, как хотите, видно, сказала однажды людям: «Оце вам буде шлях». И значит, идти нам по этой дорожке, и нет ей конца и края. А коммунизм мы уже собирались один раз построить, только что из этого вышло.

– Выходит, ты ратуешь за империализм, за его политику, за разбой, за войну? – снова вступил в разговор Иван Васильевич.

– Я не ратую – я размышляю.

– Значит, в порядке вещей: сегодня они завоевали Гренаду, завтра Кубу, а после завтра к тебе в дом придут.

– Дуже приемлемо! Получат по шее по закону борьбы противоположностей.

– Тогда конфликт, – вмешался литератор. – Последняя война человечества, и на следующий день никакой борьбы.

– Ну, так что ж. Природа начнёт всё сначала. Но я разумею, что они там, – дядя Слава махнул куда-то рукой, – тоже не дураки. Они это понимают. Вот и препятствуют распространению противоположной системы: американцы в Гренаде или там ещё где, французы воюют в Чаде, ну, а мы – в Афганистане.

– Сейчас вы, пожалуй, скажете, что мир для нас не самое главное, а война не самое страшное. Поймите, им нужен этот остров. Вы – заложник лживой информации.

– Почему лживой? Где гарантии, что советское радио и телевидение не пользуются теми же методами? Два мира – две политики.

– Социализм – наша гарантия.

– Товарищи, ну, что же это такое? – вдруг сорвалась с места та самая девушка, которую привёл с собой начинающий художник. – Он спокойно благословляет войну, а мы его слушаем! Вячеслав Дементьевич, я здесь в первый раз, но как можно!? Вы живёте в стране Советов. Это ваша Родина, наша с вами Родина, и вы должны верить ей, верить своему народу, иначе, извините, станете отщепенцем без Родины и без веры. Все народы борются за мир, за сокращение вооружений, а вы?..

– Я не разумею. Мы на женевских переговорах, чи шо? Милая девушка, простите, не знаю, как вас величать, не отнимайте у меня, пожалуйста, Родины. Я верю, хочу верить в светлое будущее, просто вслух сказал то, о чём другой кто-то, возможно, менее образованный, чем вы, думает про себя и мучается. Леди и джентльмены, давайте прервём нынешний раунд переговоров и обратим внимание, наконец, на стол, который давно ждёт нас.

Вечер продолжался.

3.

Дмитрий сидел в своей комнате, прислушиваясь к шороху дождя. Гроза прекратилась. Тяжёлые капли, погоняемые ветром, шлёпали по стеклу. Покачивались на окнах шторы. Прошло три месяца, как он вернулся из Киева. Устроился на швейную фабрику. Возил директора, ездил уже по командировкам. Ездить Диме нравилось. Нравилось сидеть в удобном кресле и чувствовать власть над машиной, нравилось смотреть на убегающую под колёса дорогу, слушать передачи «Маяка». В Киеве он тоже возил директора, но там начальство было покрупнее и забот больше. Бензина всегда хватало – дядя Слава заправлял безотказно. Дмитрий крепко сдружился с ним, несмотря на предупреждения своей тётки не баловать Вячеслава Дементьевича своим вниманием.

В детстве Дима видел его один раз и запомнил широкоплечего мужчину высокого роста с чёрными усами. А теперь, когда увидел дядю во второй раз, он показался ему меньше ростом, хотя дядя Слава был ничуть не ниже своего племянника, и плечи показались не такими широкими. К усам теперь добавилась седеющая бородка. Сединой покрытые волосы, скуластое продолговатое лицо. Тогда Вячеслав пришёл к ним в чёрном костюме и белое рубашке с галстуком

на шее (это было накануне свадьбы); теперь он редко надевал галстуки, чаще всего появляясь на людях в защитного цвета сорочке типа «сафари» с завёрнутыми рукавами. На левой руке красовалась яркая татуировка: искусно наколотый самолёт, похожий на допотопный бомбардировщик СБ.

После того, как тётя Рая с мужем уехали за границу, дядя Слава часто заходил к Дмитрию. Сам он жил недалеко от Красной площади (Диме понравилось такое название), однако любил приезжать на Воскресенку, как говорил, скрасить одиночество дорогого го племянника. Они вместе смотрели по телевизору футбол, болея за киевское «Динамо». Заядлыми знатоками-болельщиками их нельзя было назвать, однако после каждого матча оба искренно клялись друг другу не пропускать больше ни одной игры. Потягивая кофе с бальзамом, играли в шахматы, подолгу колдуя над доской. Колдовал больше Дима, потому что долго прикидывал варианты; от этого и проигрывал. Дядя Слава торопил своего противника, обещал в следующий раз непременно принести шахматные часы. Дима волновался, делал ошибки, злился на себя, но каждый раз вновь садился за доску в надежде взять реванш.

– Мат. Обрати внимание, закрытый мат, редкий случай, – в очередной раз объявлял дядя, беззлобно поглядывая на молодого человека.

Дима застывал над доской, ещё не веря в произошедшее, затем выдыхал: «Всё», – и лез за сигаретой.

– Не бери ты в голову, ты слишком близко принимаешь всё к сердцу. Эта комбинация называется «вкусная пешка». Смотри. Я играл чёрными, потом сыграешь с кем-нибудь; мы развили с тобой коней и слонов. И тут я подсовываю пешку. Ты её берёшь, ты не можешь её не взять, бо она беззащитна. Потом я вывожу ферзя, ты делаешь мне вилку и окончательно проигрываешь. Конь завершает комбинацию. Ещё партию?

– Нет. Я больше одной партии в день не играю, – уныло отвечал побеждённый.

– Ну, тогда давай выпьем. – Дядя Слава приносил две маленькие рюмки, разрезал лимон, доставал плитку шоколада. – Да брось ты, давай по граммულке. Хочешь я женю тебя? – вдруг предложил он, посасывая дольку лимона. – Баба с квартирой, молодая. Тётя Рая приедет, а ты женатый человек. Сдашь эту хазу и под новую крышу. А пока здесь поживёте, готовить хоть сам не будешь. Чего молчишь?

Дима улыбался.

– Я не могу так сразу.

– Що таке?

– Дядя Слава, а почему ты сам не женишься?

– Я женат, – отвечал тот.

– Как?

– Так. Я уже полтора года с ней живу. Правда, без отметки в паспорте.

– А дети?

– У неё есть дети. Один с нами живёт, Юрий. Классный парень, в шестом классе учится. Ты ж ко мне не заходишь, а то заскакивай, познакомлю с обоими.

– Любовь, значит? – поехидничал Дмитрий.

– Бог избавил от этого недостатка. Любишь – не любишь. Надоест – разойдёмся без бумагомарательства. Тебя вот женить хочу. Слушай, а ты, мож, учиться надумал, оттого и не женишься? А то устрою. Вон Олег на больших самолётах летает. Забыл, чертёнок, про мою услугу. Как-то встретил на Крещатике – кивнул только. Вот ты мне нравишься. Давай, земляче, скажи мне – и всё будет выше крыши. Приедешь эдак домой в форме пилота первого класса. Блеск! У меня в Борисове есть один знакомый, мы как-нибудь к нему заглянем.

– Я люблю автомобили, на самолёты лучше смотреть с земли. И потом, у меня нога болит. Не обманывать же врачей, да их и не обманешь.

– Тю, нога. Тебе что прыгать с парашютом? Знаю я про твою ногу. Ну, прыгнешь раза два для зачёта, не развалишься. А за свои двадцать четыре года не беспокойся. Ты подумай, подумай.,

4.

Дима смотрел в чашку с кофе, которую принесла ему мать, бессмысленно передвигая чашку по краю столика. Дождь не прекращался. Старый тополь за окном, наверное, просился в тепло, царапая по мокрому стеклу ветвями, требуя к себе внимания. Его настойчивость увенчалась успехом. Дмитрий подошёл к окну, отёрнул штору. Однажды он собрался отпилить эту ветку, но что-то удержало его. Что? Он и сам не знал.

Да. Откажись он тогда вот в такой же дождливый вечер поехать с Вячеславом Дементьевичем в Борисово, может быть, ничего бы и не случилось. А как хорошо было раньше!

Они везде успевали: на футбол, на концерт, на банкет. Дядя Слава познакомил его со многими людьми. Среди них Дима выделил для себя более близких, и иногда случалось, что Вячеслав не заставлял Дмитрия дома, несмотря на поздний час. Дмитрий входил во вкус столичной жизни. Ему нравились вечерние бары, цветомузыка, коктейли, нравилось смотреть на женщин, вести ни к чему не обязывающие разговоры. Но некоторые из них становились началом знакомства, и тогда дядя Слава подолгу не видел своего племянника. А когда, наконец, они встречались, то Дмитрий узнавал, что им срочно надо ехать. И они мчались куда-то к кому-то на дачу, затем сидели в ресторане и, пока Дима танцевал с дамой своего нового знакомого, утопая в её влажных глазах, дядя Слава спокойно и деловито шушукался с человеком, и оба, очевидно, оставались довольными друг другом. Дмитрий не помнил, чтобы он когда-нибудь платил по счёту. Он привык видеть деньги в руках дяди и не удивлялся, если денег оказывалось много. А один раз прямо заявил:

– Дядь Слава, мне нужны деньги. – Помолчав, добавил: – Пятьдесят рублей.

Вячеслав Дементьевич молча достал новенькую сторублёвую купюру и положил на стол. После этого Дима часто находил в машине деньги и так свыкся с этими ниоткуда взявшимися доходами, что теперь, прежде чем закурить, машинально шарил между пачками *Camel*-ы, не завалялся ли там червонец, а то и два. Дима давно понял, что дядя перекупает золото, но принял это спокойно, словно заранее оговорённое, тем более клиенты, как правило, оказывались почтенными людьми.

Однажды, когда он, запыхавшись после танца, подводил свою даму к столику, где беседовали Вячеслав Дементьевич и невысокий, но тучный блондин, до его слуха донеслось удивительное слово: «Буратино».

Ночевал в этот раз дядя Слава у Димы. А утром, когда они вместе ехали на работу, спросил:

– Кто такой «Буратино»?

Вячеслав будто не слышал, смотрел прямо перед собой. Дима не стал переспрашивать, но дядя Слава обратился к нему сам:

– Ты сегодня во сколько освободишься?

– Не знаю, как начальство.

– У меня к тебе просьба. Сгоняй вот по этому адресу вечером в Борисово. – Дядя раскрыл записную книжку и показал Диме.

– Запомнил?

– Да.

– Передашь этот пакет в обмен на другой. Скажешь, от Лариона Модестовича.

На колени Дмитрия упал небольшой, завёрнутый в тонкую бумагу свёрток.

– А теперь останови, я выйду. Пока.

Оставшись один, Дима развернул пакет. Там лежала плотная пачка двадцатипятирублевых бумажек.

Около трёх часов секретарша Наталья Петровна отыскала Колоскова и передала ему телеграмму. Предстояло в шесть вечера встретить секретаря парткома, который вылетал самолётом из Одессы. Аэропорт Борисово. У Димы ещё было время. Он заехал на квартиру, быстро переоделся, схватил на ходу пару бутербродов и через полчаса выбрался из города на скоростную трассу, ведущую в аэропорт. А ещё через двадцать минут свернул с магистрали на шоссе. Дядя не объяснил, как найти нужную улицу, но Дмитрий увидел её сразу. Долго тряся по булыжной мостовой. Дом, который искал, оказался чуть ли не в самом конце улицы. А дальше метрах в ста дорога сворачивала к старой обвалившейся церквушке.

Дима остановил машину. Узенькая дорожка вела к массивным железным воротам, на которых белой краской было выведено: 143. Ворота не открывались, на стук никто не вышел. В прорези почтового ящика Дима заметил маленькую кнопку, надавил на неё. Послышался лай собаки, грубый мужской голос и долгожданный вопрос:

– Кто там?

– Я от Лариона Модестовича.

Стало тихо, даже собака перестала лаять.

– Вот сквалыга, – пробормотал Дмитрий, поглядывая на часы, – пять минут шестого.

Ворота открылись, показался хозяин, маленький, тощий, носатый еврейчик, в самом деле похожий на пожилого Буратино. Нос его был до того длинен, что Дима чуть было не расхохотался. Однако хозяин не торопился впускать гостя, подозрительно осмотрел его с ног до головы, покосился на «Волгу» и лишь после этого хриплым низким голосом, так не шедшим к его субтильной фигуре, проговорил:

– Проходи.

Гость шагнул в сад. Огромный, без привязи пёс рванулся на незнакомца, но хозяин шикнул на него – и тот притих, покорно пропуская человека к дому. Высокие ворота и сад скрывали до того ветхий домик, что гость остановился у порога, думая, не решить ли ему дело здесь, в саду. Но «Буратино» легонько толкнул его в спину, давая понять, что говорить они будут в доме. В полутёмной комнате стоял самодельный, грубо сколоченный стол, два стула, обшарпанная печка, какая-то посуда на грязной полке. У противоположной стены в одном углу приютилась кровать с грудой разноцветного тряпья, а в другом, к немалому удивлению гостя, стоял полированный столик с большим цветным телевизором.

– А почему Ларион Модестович сам не приехал? – вдруг спросил хозяин.

Дима не нашёлся, что ответить, потому что не знал: Ларион Модестович – это дядя Слава или кто-то другой. Откуда ему было знать, что сам Ларион Модестович как раз и стоял перед ним и что таким образом «Буратино» определял степень осведомлённости новоприбывшего, и, если тот оказывался посредником в деле, значит торговаться наверняка не станет. Хозяин проворно подошёл к столу, и не успел Дмитрий сообразить чего он хочет, как на столе появились два стакана, тарелка с колбасой, капуста и чистый графин с красноватой жидкостью.

– Прошу, – жестом пригласил он.

– Нет, нет, я не могу, я за рулём, – отказался Дмитрий и полез в карман за пакетом. «Буратино» перехватил его руку и, глядя снизу вверх, настоял на своём:

– У меня всякие люди бывали, никто не брезговал. Я и говорить с тобой не стану, коли не выпьешь. – Он взял графин, разлил в стаканы и поднёс горлышко к носу Дмитрия: – Ты понюхай, это домашний ром, ни одна ГАИ не придерётся.

Запах понравился гостю, он присел на скрипучий стул. Они выпили. Дима заел салатом, затем достал из кармана пакет и положил на стол.

– Вот, Ларион Модестович прислал.

Пакет мгновенно исчез со стола, а повеселевший Ларион Модестович снова наполнил стаканы.

– Уни хушавке мес, – подмигнул он Дмитрию.

– Я не понял.

– Это, мой дорогой, на русском наречии будет значить, что живой человек без денег – всё равно, что мёртвый человек.

– Почему мёртвый? Без денег скучно, это верно, руки связаны, – возразил гость. – Но не мёртвый же.

– Я говорю мёртвый, значит, мёртвый. – Хозяина «подмыло»: – Деньги – это всё. Накормят, напоят, оденут и обуют. Захочешь веселиться – веселись. Всё твоё. – Он подлил гостю из графина, собираясь, по всему видно, к длинному разговору.

«Старый хрен, деньги схавал, как взятку взял, – зло подумал Дмитрий. – В гроб пора, а туда же, веселиться. Сейчас о женщинах залопочет».

Он посмотрел на часы. Половина шестого. «Буратино» не торопился отдавать гостю то, за чем гость пришёл к нему. Ждать больше было нельзя. Дима встал.

– Мне пора ехать. Я тороплюсь.

– Куда торопишься? Посиди, поговори со стариком. Не каждый день к нему гости заезжают.

– В аэропорт мне надо. Давай, что велено, я пойду, – не скрывая раздражения, бросил гость.

– В аэропорт? Смыться? – вдруг взвизгнул «Буратино».

Глаза его засверкали злобой. Он вскочил на ноги, покачнулся, схватился за край стола, свалил недопитый стакан на пол.

– Я знаю, кто послал тебя. Ларион Модестович, – передразнил старик. – Ларион Модестович – это я.

– Давай, слышишь, – двинулся на него Дмитрий.

– Не тронь! – Старик отпрыгнул за печку, но вскоре появился, бросил на стол две золотые монеты царской чеканки. – Бери и передай своему шефу, чтоб не совался сюда. Мне клиентов и без него хватает.

Гость ошалело посмотрел на монеты, затем сгрёб их и метнулся к двери. В саду на него прыгнул пёс. Дима что есть силы ударил его ногой в морду, выбежал к машине и рванул с места со второй скорости. В аэропорт он прибыл вовремя. Самолёт как раз выруливал с посадочной полосы.

Доставив секретаря домой, Дмитрий помчался на Красную площадь к дяде Славе. Вячеслава дома не оказалось. Он не ночевал двое суток. Тогда Дима направился в сторону «Динамо», миновал стадион, где они не так давно смотрели матч ветеранов футбола, и остановился у ресторана «Столичный». Здесь он в последний раз видел «Тучного блондина» и в первый раз услышал о «Буратино». Дмитрий не ошибся.

Швейцар узнал его и услужливо провёл к двум сдвинутым столикам, где сидели Вячеслав Дементьевич, «Тучный блондин», какие-то мужчины (один в форме пилота ГВФ) и две молодые женщины. Увидев племянника, Вячеслав Дементьевич обрадовался, придвинул к себе стул, пригласил сесть. Он был пьян.

– Знакомьтесь. Это мой племянник Дима, – обратился он к сидящим за столами, хлопнув молодого человека по плечу.

Справа от Димы появился официант. Он поставил перед ним пару тарелок со свежей закуской, чистую рюмку, фужер, в рюмку налил водки, фужер наполнил жёлтым фирменным напитком.

– Выпей с нами, Дима, – предложила одна из дам, которую «Тучный блондин» называл Викторией.

Дядя Слава поднял свою рюмку. Все чокнулись. Вячеслав заметно хмелел.

– Вот, Виктор Иванович, – он обращался к мужчине в лётной форме, – перед вами будущий лётчик. Грезит небом. Я тебе обещал, познакомлю. – Теперь он уже говорил Дмитрию: – Где ты пропадал?

– В аэропорт ездил, – безразлично ответил Дима.

– Слышите? В аэропорт. – Дядя повернулся к мужчинам и женщинам с улыбкой. Затем сразу посерьёзней, глаза стали трезвыми. Видимо, до его сознания наконец что-то дошло. – Ты был в Борисово?

Дима молча кивнул.

– Понял. – К Вячеславу Дементьевичу вернулась прежняя весёлость. – Леди, джентльмены, мы покидаем вас. – Он обошёл мужчин, приблизился к дамам. – Виктория! Клавочка!

Женщины протянули ему обнажённые руки. Дядя Слава взял их левой и правой рукой, чмокнул по очереди.

– Дима, ходым за мною.

У выхода он щёлкнул пальцами, подзывая официанта:

– Женя! – И тот протянул ему завернутую в белую бумагу бутылку шампанского.

– Где наш «Мерседес», Дима? Де ж я буду сегодня ночевать, как ты сумеешь?

– Дядь Слав, лучше погуляем немного.

– Правильно. Мы ещё не пили шампанского. Ты молодец, парень!

Они свернули на широкую каменную лестницу, поднялись в парк, миновали фонтан и вышли к радужному светло-голубому зданию за железной оградой.

– Дима, это дворец. Будем пить здесь. Ходым сюда.

Они вошли в раскрытую калитку. Приблизившись к главному входу, дядя Слава толкнулся в дверь. Она была заперта. Он подёргал за ручку, выругался:

– Чёрт его знает, что воно такое. Закрыто. Честным людям выпить негде. Этот дворец, говорят, специально для русской царицы построили.

Пробка с шумом вылетела из бутылки.

– Пей, земляче.

Холодные пузырьки шампанского сначала освежили Дмитрия. Он передал бутылку дяде, достал из кармана привезённые монеты, раскрыл ладонь.

– Вот.

– Не понял.

– Золото. От «Буратино», – пояснил Дмитрий плохо соображавшему Вячеславу.

– Вижу, что не железо. Шо так мало?

– Не знаю. Еле вырвался от него. Мне в аэропорт надо было ехать, а он, змей, домашний ром под нос суёт.

– Скотина! – вдруг взвыл дядя Слава. – Жидовская рожа. Два золотника за кусок. Да я его!

Он застыл на месте, крепко сжимая бутылку, запрокинул голову, вылил содержимое в глотку и хрястнул посуду о ступеньки.

– Он забыл, как ползал на коленках. Едем!

– Да, куда уж ехать, – отозвался Дмитрий, чувствуя, как «плывёт» от шампанского.

– Едем к «Буратино». Я выпотрошу его гнилую душу.

Дядя Слава шагнул вперёд, наступил на осколок разбитой бутылки, – поскользнувшись, рухнул на ступеньки и покатился вниз. Дима сбегал к нему, наклонился, поднял его голову. Из рассеченной брови текла кровь. Вячеслав открыл глаза.

– Ты живой? – Дима достал платок, вытер кровь. – Завтра поедем, дядь Слав, сейчас поздно – одиннадцать часов.

– Одиннадцать? Летнее детское время. Сегодня, сейчас же.

– Ну, хорошо, вставай, вставай, пошли в машину.

Вдвоём они кое-как добрались до «Волги». Дима посадил его на переднее сиденье, пристегнул ремнём, сам отдышался, посмотрел в зеркало и хлопнул дверцей.

Дома дядя Слава снова протрезвел, и Дмитрию с большим трудом удалось уговорить его воздержаться от поездки в Борисово.

– Я не поеду! – почти кричал Дмитрий, в который раз усаживая дядю на диван. – Я устал и жрать хочу. Ну, хочешь ещё по граммულке, у меня есть. Я яичницу изжарю.

Дядя Слава посмотрел на племянника мутными глазами, изрёк:

– Лады.

Дима вскоре принёс яичницу. Они сели за шахматный столик. Вячеслав успокоился, выпил стопку, пожевал хлеба, заговорил, будто с самими собой:

– Я его, подлеца, с-под ножа снял. Ты знаешь, где я был раньше? – Он поднял голову, посмотрел на своего слушателя, кивнул: – Знаешь. А он всё клялся мне, что на воле копейку спрятал. Счастье дурака светлее, чем красное солнышко. Золото нашёл в старой часовне. Да не повезло – повязали скоро. Показывал одну монету с гербом, при себе носил. Там-то мы его «Графом» кликали; дед, говорит, в графах ходил. Били его часто. Пожалел жидя, бо, думаю, убьют старика. Срок один у нас был. Как ко двору поехали – сбежал с поезда, старый козёл. Не нашёл я его тогда. А тут слышу, «Буратино» объявился, золотишком приторговывает. Напугал ты его чем-то. Меня, видать, почуял, падаль. Но ничего, ничего...

Дядя Слава откинулся на спинку дивана, всё больше сползая на подушку. Рюмка выпала из рук на пол.

5.

На другой день в воскресенье Дмитрий проснулся поздно. Сильно болела с похмелья голова, его мutilo. Вячеслава Дементьевича не было. На шахматном столике, заботливо расставленные его рукой, стояли две бутылки столичного пива, оставшаяся после вчерашнего водка и хрустальная ваза с апельсинами. Дима кисло улыбнулся, вспомнив вчерашнего дядю Славу.

Водку он не смог выпить, достал из буфета фужер, вылил туда пиво, залпом осушил его. Голова закружилась, стало легче. Дима отыскал сигарету, подошёл к окну.

На улице лил дождь. Ветер заплетал ветви деревьев, изредка погромыхивал далёкий, еле слышный в городской квартире, гром. Заметно похолодало. Синоптики обещали в средней полосе дождь со снегом. А ведь сейчас только август. Где-то звучала музыка. Женский голос объявил пятую симфонию Бетховена. «Я хочу, чтобы музыка высекала огонь из человеческих сердец», – вспомнил Дмитрий. Его всегда удивляло, откуда дядя Слава столько знал. Он не был меломаном, но рассказывал, что эту музыку композитор написал под влиянием французской революции и посвятил её Наполеону, а когда узнал, что Бонапарт объявил себя монархом, – растоптал титульные листы своей симфонии. Дима прислушивался к волнующим звукам, впервые постигая, что музыка Бетховена как бы отвечала принципам Вячеслава, подчёркивала его своеобразное «слово жизни», его излюбленный закон философии: борьбу противоположных сил. Он объяснял это Дмитрию, когда принёс пластинку с записью симфонии. Дядя как-то по-своему переосмысливал композитора, по-своему переоценивал его замыслы, идеи, и Диму поражала правдоподобность, с которой Вячеслав делал для себя и для него выводы.

А музыка всё лилась. Ветер трепал измученные деревья, срывал с веток листья, подгонял случайных прохожих. Звуки нарастали и обрывались, и повторяли себя. Диме стало не по себе. Он смял пальцами сигарету и отправился на кухню.

Вячеслав Дементьевич не появлялся целый день. Целый день лил или накрапывал дождь, а вечером собралась гроза.

Он пришёл около девяти часов. Щёлкнул замок – и дядя Слава вошёл мокрый, злой и усталый. Не разуваясь, он прошёл к дивану, рухнул на него, налил себе пива и лишь после этого, мрачно глянув на Дмитрия, коротко бросил: – Одевайся.

По тому, как он это произнёс, Дима понял – что-то случилось. Перечить не имело смысла. Вячеслав молчал, но вдруг не выдержал:

– Весь день его под дождём пас.

– Ты о ком? – надевая кожаную куртку, спросил Дмитрий, словно не догадываясь, кого дядя имел в виду.

– «Буратино» в город приехал. На Бессарабке встретил. Не засёк он меня, хрен носатый. По клиентам стреляет, в музей заходил, на почту. Может, с государством решил со страху поделиться. Ну что ж, потревожим его щедрое сердце.

Чёрная «Волга» с зажжёнными фарами, несмотря на непогоду, быстро шла по скоростной трассе Киев – Борисово. В этот поздний воскресный вечер встречных машин почти не было. Широкую дорогу с обеих сторон плотной стеной обступали деревья. Раскачиваясь под ветром, они изо всех сил тянулись к бетонке, и, если бы не железная решётка, отделяющая их от магистрали, – шагнули бы на дорогу.

В «Волге» сидели два человека. Один из них ехал, чтобы ограбить другого, взять то, что не принадлежало ни ему, ни тому, кого он собирался грабить. Второй ехал, чтобы помочь первому, потому что тот был его родной дядя, потому что второй зависел от первого и, наконец, потому что он любил его и восхищался им.

– Время самое подходящее, – говорил первый, – вряд ли в такую погоду к нему кто-нибудь сунется. Значит, так и сказал?

– Да, говорил, мол, клиентов у него хватает, – подтвердил Дмитрий. – Уж не убивать ли ты его едешь?

– Надо бы. Я ему в глаза посмотрю, но с пустыми руками не поеду. Сам отдаст. От дороги далеко до его дома?

– В конце улицы.

– Это кстати.

Впереди вспыхнул указатель поворота.

– Сворачиваем, дядь Слав.

– Погаси свет.

Машина свернула на бульжную мостовую и резко затормозила.

– Ты чего? – почти шёпотом произнёс Вячеслав Дементьевич.

– Сейчас, глаза привыкнут.

Минуты через две в смотровое стекло заблестелась мокрая от дождя дорога.

– Поехали. Ты к самому дому не подъезжай, выйдем неподалёку. Собаку, если отвязана, я возьму на себя.

Дядя Слава протянул руку на заднее сиденье, достал из лежащей там сумки кожаный футляр и вытащил из него большой охотничий нож. Дима остановил машину.

– Развернись! – приказал дядя.

Две едва различимые в темноте человеческие фигуры молча направились к железным воротам с номером 143. Они почти подошли к ним, как вдруг услышали, что ворота открываются. Дядя метнулся назад, схватил за рукав Дмитрия.

– Тихо! – прошипел он.

Оба прилипли к ограде. Было темно, однако видно и слышно, как открылись ворота, из них вышел низенький человек, повернулся назад, брыкнул ногой, очевидно, пнул собаку, аккуратно закрыл ворота и, осмотревшись на обе стороны, засеменял вдоль ограды. Две фигуры поспешили за ним. Человек, беспрестанно озираясь, добежал до крайнего дома, вскарабкался на мостовую и припустил что есть духу к церквушке.

Когда дядя Слава и Дмитрий добежали до развалин, человечка уже не было. Они остановились, отдыхая. От всей церкви остались одни стены. Своды, обвалившиеся вовнутрь, загромождали вход. Дверей не было. Ветер выл и свистел в лабиринтах. Дима почувствовал, как его руки до плечей покрылись «гусиной кожей». Он шагнул через груды камней, чтобы заглянуть за стену. Стены оказались двойными. Между ними он разглядел узенькую каменную лестницу для одного человека. Лестница вела куда-то наверх. Дима поманил дядю. Тот осмотрел лестницу и молча показал в другую сторону. Слева была точно такая же лестница.

– Какая-то из них главная, – прошептал дядя. – Иди здесь, а я пойду по той. – И он исчез в темноте.

Зубы Димы выстукивали дробь. Он шагнул на первую ступеньку, приподнял руки, нащупал с двух сторон стены и стал медленно подниматься, скользя ладонями по мокрым каменным плитам. На левой стене попадались железные крючья, очевидно, когда-то к ним прикреплялись светильники или факелы. Дима цеплялся за крючья плечом, лестница стала «уже, пришлось повернуть плечи. Ветер с трудом проникал между стен, поэтому здесь было тихо. Он считал собственные шаги, как вдруг наверху ему послышались глухие удары. Дима приложился ухом к стене – удары повторились. «А что если там ещё кто-то?» – мелькнула у него мысль. Сверху по ступенькам покатился камешек. Дима замер. Камешек ударился в полуботинок. Дима приподнял ногу, пропустил его дальше. В простенке потянуло сквозняком, лестница сворачивала влево, стало заметно светлее. И тут он заметил, что правая стена кончилась. Она обвалилась примерно на уровне чуть ниже колен. В зияющей огромной дыре появилось мутное небо, но после кромешной тьмы оно показалось Дмитрию чересчур светлым.

В трёх шагах от него спиной к обрыву стоял человек. Он не шевелился. Дима попятился, желая исчезнуть в темноте, как вдруг вспышка молнии осветила их обоих. В упор глаза в глаза он увидел длинноносого старика. Это произошло до того неожиданно, что Дима не успел испугаться, но в следующее мгновение дикий вопль слился с раскатами грома. Последовал сильный удар в живот. «Буратино», как жаба, сложился на четвереньки и прыгнул на незваного гостя головой вперёд. Дима потерял равновесие, взмахнул руками, царапнув по стене, ухватился за подвернувшийся крючок. Старик подпрыгнул на ступеньку выше и скрюченными руками ухватил парня за горло.

– Выследил! – проскрипел он ему в лицо, дыша вонючим перегаром. – Я задушу тебя!

– Пусти. Мы упадём оба! – еле успел проговорить Дмитрий, но пальцы, как стальные клещи, сжимали горло.

Дима упёрся плечом снизу в спасительный крючок и что есть силы толкнул старика в открытую брешь. После страшного крика наступила тишина. Хлынул дождь. Боясь отпустить крючок, Дима стоял на месте, подставив лицо холодным брызгам, колени его дрожали.

– Дмитрий! – послышался голос дяди. Довольно неосторожно прыгая через две ступеньки, он быстро спускался сверху. – Что случилось?

Дима сделал судорожное глотательное движение.

– Я сбросил его вниз.

– Туда ему и дорога, – не раздумывая, заключил дядя Слава.

При свете молний они увидели внизу среди камней хилое тельце «Буратино».

– Пошли, дядь Слав.

– Погоди, у него здесь где-то тайник.

Диспетчер аэропорта Борисово Зуев Глеб Поликарпович, возвращаясь поздно ночью с работы из-за нелётной погоды, видел, как по дороге из старой церкви торопливо бежали два человека. Один из них нёс на плече тяжёлый сундучок. Диспетчер видел, как вспыхнули красные огоньки автомобиля, слышал, как хлопнули дверцы, – и машина с потушенными фарами растворилась в темноте.

6.

Дмитрию не спалось. В который раз он прокручивал в своей памяти последние события прошлого и в который раз против своей воли отчётливо видел их, как затянувшийся фильм. После той ужасной ночи он больше не видел Вячеслава Дементьевича. Лишь в конце зимы, когда в здании народного суда ленинского района состоялся открытый суд, Дима, наконец, увидел дядю, похудевшего, без бороды и усов. Дядя Слава держался спокойно и даже, как показалось Дмитрию, подмигнул ему. Судебная коллегия по уголовным делам Киевского горсуда приговорила В. Д. Колоскова к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии усиленного режима.

Всю зиму следственные органы вели дело. Дима одного не мог понять: почему он на свободе? После обыска в его квартире, вернее, в квартире тёти Раи (она кстати быстро приехала, когда узнала о случившемся) его ни разу не вызвали в милицию. Только однажды пришла повестка. Дмитрий явился по адресу, его проводили в кабинет, где пожилой подполковник задал всего два вопроса:

– Дмитрий Николаевич, где вы были в ночь с 21 на 22 августа?

В голосе подполковника было столько формальности, сколько и в самом вопросе. Он словно не нуждался в ответе, просто хотел уточнить известные факты.

– В Борисово, – ответил Дмитрий, не собираясь таить правду.

– Вы можете рассказать поподробнее, как всё произошло?

Создавалось впечатление, будто только что был прослушан целый ряд свидетельских показаний, и Дмитрию как главному свидетелю предстояло ещё раз пролить свет на уже и без того светлые места. Дима заволновался, затягивая длинную паузу. Подполковник внимательно изучал его, наконец, сказал:

– Вы можете отказаться от дачи показаний.

– Я не убивал, – выдавил свидетель.

– Ну что ж. Мы в этом не сомневались. За самовольный угон машины вы уже ответили перед администрацией завода. Вас уволили?

– Да.

– И всё же надо было поинтересоваться, куда направился ваш родственник, а не отсиживаться в машине. Нам вы больше не нужны. Можете возвращаться домой. Вас ждёт ваша мама. Вы свободны. Идите.

Дима действительно не убивал. И всё-таки он убил. Он преступник. Преступник на свободе, а осудили вместо него дядю Славу. Сомнений быть не могло: дядя Слава взял вину на себя. Как же так?

Дмитрий встал с кровати, подошёл к окну. Светало. На востоке обозначился край тучи. Узкая полоска зари подпирала её, угоняя прочь. Дима потушил сигарету, подошёл к трюмо, глянул на себя в зеркало, крепко сжал бицепсы на руках.

– Ничего, Дима, – сказал он самому себе, – всё будет добре. Он сам меня учил: «Каждому – своё».

Неспортивные пистолеты

1.

Инспектор Зайцев не спал. Он осторожно встал с кровати, чтобы не разбудить жену, вышел на балкон покурить. С тех пор, как у него сменилось начальство, и из Киева приехал подполковник Стародубцев, жизнь его потекла по иному руслу.

В свои тридцать четыре года инспектор ещё не успел раскрыть ни одного хоть сколько-нибудь серьёзного преступления. Бесспорно. Он прекрасно понимал, что даже мелкое хулиганство это уже серьёзно, что необходимо бороться с пережитками далёкого прошлого и пресекать любые нарушения общественного порядка. И надо сказать, что инспектор честно исполнял свой долг, хотя иногда горячился и принимал поспешные решения, в результате чего однажды и наткнулся на нож хулигана, кинувшись в драку на танцплощадке, не рассчитав сил. В другой раз без надобности едва не угодил под дурацкую пулю, к тому же упустил серьёзного бандита. После этого случая авторитет Зайцева пошёл на убыль. Неизвестно, сколь долго это могло бы продолжаться, но вот как-то самым обыкновенным днём Аркадий Филиппович Стародубцев вызвал старшего лейтенанта к себе. На столе у него лежала знакомая Зайцеву фотография.

– Вот что, Лев Николаевич, насколько я знаю, это ваш клиент.

Инспектор посмотрел на фотографию убитого. Конечно, он знал его, очень хорошо знал. Два раза Зайцев избегал пули этого, теперь кем-то убитого человека. Вторая пуля зацепила немного, процарапав на левом плече рваную отметину.

– Да, это я упустил его год назад, – ответил инспектор, пытаясь понять, куда клонит подполковник.

– Вы упустили его дважды – значит, вам и искать его убийцу, – сделал заключение Аркадий Филиппович. – Помощь обеспечу. Человек нам известный, за что провинился среди своих, пока не ясно. Улик никаких, кроме этой пули. Калибр 9,2.

15 июня в тридцати километрах от города, на морском побережье был обнаружен труп человека. Смерть наступила от выстрела в затылок из пистолета типа «кольт». От длительного пребывания в воде труп превратился в грудку обезображенного мяса, однако сотрудники милиции опознали в нём бывшего преступника. Им оказался уроженец города Козлова Волынской области Карташов Виталий Петрович, 1957 года рождения, по специальности слесарь-сантехник. Согласно документам из его дела дважды привлекался к суду в соответствии со статьёй 218 Уголовного Кодекса РСФСР за незаконное хранение и изготовление оружия. При попытке задержания 20 октября 1987 года, оказав вооружённое сопротивление, скрылся. Тем не менее по другим документам дела Карташова нигде не значится убийство или ограбление. Во время последней перестрелки по счастливой случайности никто серьёзно не пострадал.

Зайцев не спал. Время не шло, время летело куда-то, торопилось. Ниточка по делу Карташова висела в воздухе. Теперь она в руках, осталось дёрнуть за неё как следует. Однако появился Виталик неожиданно. Все были уверены, что после того, как ему удалось красиво смыться, он «сядет на дно», и надолго. Уверенность оказалась пророческой, только вот дно настоящее, морское. Странное убийство.

Пятого августа были стрельбы. Как всегда, раздавались команды капитана Рюмина:

– К выполнению упражнения номер один приготовиться! Слева по одному по мишеням – огонь!

Стреляющие стояли в одну шеренгу, по очереди били в цель. Когда очередь дошла до Зайцева, капитан вполголоса шепнул ему:

– Лёва, отстреляешься – зайди к шефу.

– Что такое?

– Тир где-то ограбили.

– Вот, дьявол! – выругался инспектор, наспех расстреливая обойму.

В кабинете его ждали Аркадий Филиппович и мужчина средних лет, одетый в спортивный костюм.

– Старший лейтенант Зайцев Лев Николаевич – Иванченко Вадим Алексеевич, преподаватель физкультуры, – представил их друг другу подполковник. – Лев Николаевич из университетского тира исчезли два пистолета марки «кольт». По-моему, здесь какая-то связь. Возьмите группу, осмотрите на месте.

– Есть. Разрешите действовать.

– Действуйте.

Зайцев понял, на какую связь намекал Аркадий Филиппович. По дороге в университет обратился к преподавателю с вопросом:

– Как вы обнаружили пропажу, Вадим Алексеевич?

– Понимаете, каждый год с началом летней сессии мы закрываем тир на два месяца, а то и на три до сентября. Я как материально ответственное лицо лично ставлю пломбы на двери.

– Откуда в вашем тире такие пистолеты? – спросил Зайцев.

– У нас после войны хранилось много оружия, потом его, конечно, изъяли, но эти «кольты» остались. У нас есть разрешение.

Все пятеро, включая фотографа и экспертов, спустились в подвал, прошли по тёмному коридору и остановились у внушительной железной двери.

– Значит, говорите, пломба на двери была цела?

– Да, да, – поспешил с ответом физкультурник. – Здесь две двери, и на обеих пломбы были нетронутыми. Проходите, пожалуйста.

– Вы здесь ничего не трогали? – спросил один из экспертов.

– Нет. Как только я заметил, что сейф открыт и оружия нет, я сразу ушёл отсюда.

– Пистолеты хранились в сейфе? – перебил инспектор.

– Да, у нас остался старенький сейф. «Кольты» и патроны к ним всегда лежали там.

– Приступайте, – распорядился Зайцев, обращаясь к фотографу и экспертам. – Вадим Алексеевич, скажите, часто ли стреляли из этих пистолетов?

Преподаватель помялся.

– Видите ли, я тренирую спортсменов по малокалиберному стандарту. Тут есть винтовки, пистолеты, а эти «кольты» у нас не предназначены для стендовой стрельбы.

– Больше ничего не пропало?

– Нет, только они.

– Ну, так кому же разрешалось стрелять из этих пистолетов, кроме вас, разумеется?

Вадим Алексеевич достал платок, промокнул вспотевший лоб.

– Сказать по правде, это мои хорошие знакомые: преподаватели, кое-кто из студентов-старшекурсников, сюда иногда заходят инкассаторы пострелять.

– Вы можете дать точный список этих лиц?

– Я им верю как себе, – запротестовал Вадим Алексеевич. – И потом, о «кольтах» знает весь университет. Это необходимо?

– Да, это необходимо. Приготовьте, пожалуйста, список.

– Лев Николаевич, – подал голос из глубины коридора один из экспертов. – Подойди-ка сюда.

Метрах в десяти от мишени у стены стоял стул. Эксперт что-то внимательно разглядывал на нём и на полу. Зайцев подошёл к нему.

– Смотри, – показал эксперт.

На полу у стены отчётливо обозначился след от обуви, на стуле виднелось то же самое. Зайцев поднял голову и под потолком увидел небольшое оконце.

– Похоже, преступник проник сюда через это окно, через него же и скрылся, – сказал он.
– А вот это я нашёл под стулом. – Эксперт протянул Зайцеву уже завернутый в целлофановый пакетик дамский перстень.

– Очень интересно. – Инспектор повертел в руках золотой перстень. – Мы должны узнать, куда выходит это окно. Продолжай обследование. – Он подошёл к физкультурнику.

– Вадим Алексеевич, ещё один вопрос.

– Пожалуйста.

– Когда вы здесь были в последний раз?

– Кажется, десятого июня я закрыл обе двери.

– Кажется или десятого?

– Десятого точно.

– Значит, преступник мог проникнуть сюда в любой день вплоть до сегодняшнего, – предположил инспектор.

– Совершенно верно, в любой день... или в ту же ночь, – сказал подоспевший к ним эксперт, пристально глядя на преподавателя.

2.

В прихожей позвонили. Николай Соболев поспешил к двери. На пороге стоял Лёня Корнеев.

– Привет.

– Вот ты-то мне и нужен. Молодец, что пришёл. Ну, проходи, проходи. – Соболев проводил гостя в свою комнату.

– Так. Создаём музыкальный фон, освещение. – Он включил стереомагнитофон, выключил яркий свет. – Чай или кофе?

– Чай, – равнодушно ответил Лёня.

– Тогда цейлонский. Уан минит. – И хозяин убежал на кухню.

Тихо зазвучал джаз. Невидимый саксофон выводил приятный блюз. Соболев появился с двумя большими дымящимися бокалами в руках.

– Мне эта музыка помогает думать, ловить идеи, носящиеся в воздухе, – изрёк он, появляясь в другой раз с пирожными на подносе.

– Ты словно готовился меня встретить, – усмехнулся Алексей.

– Конечно, комрад. Это моё любимое лакомство. Мама всегда печёт. Ешь, говорит, но занимайся спортом – иначе растолстеешь. Тебе это не грозит, так что приступай. Я тут, знаешь, английским языком начал заниматься. Ту би ор нот ту би, – продекламировал Соболев. – Ну, как?

– Классно.

– У меня с грамматикой худо. Вот никак не пойму, зачем англичанам понадобилось шестнадцать времён? Ну, презент, континуес – могу понять. А вот, – Соболев раскрыл учебник. – Фют-чер пер-пер-фект, тьфу, ты, я по-русски лучше скажу: будущее, но уже совершённое, ещё оно и продолженное и, оказывается, всё это в прошедшем? Сапоги всмятку, в общем. Ничего не понятно. Тут, я бы сказал, грамматическое расследование требуется.

– Да ты не бери их в голову, – посоветовал Алексей. – Всё гораздо проще. Англичане сами сложные времена редко употребляют, в литературе только. Всё сводится к отрезкам времени.

Лёня лениво перелистал учебник. Он думал о другом.

– Всё-таки я выучу этот язык, и ты мне поможешь, – упрямо проговорил Соболев. – Песни мне нравятся на английском. Такая своеобразная интонация, по-русски так не споёшь. «Бони М» сейчас, например, не слышно, а мне не наскучило. Тут у меня где-то песня про русского фаворита.

Соболев стал искать плёнку.

– Я слышал, ты в авиаклуб собираешься? – спросил он. – Заманчиво. Я бы, конечно, тоже, да вот... – Он поправил очки. Лёня его почти не слушал.

– Ты чего такой кислый, Корнеев? Поругался с Верочкой?

– Нет.

– Смотри, девочка хорошая. Пусть на год старше, но не будь ты мне моим другом, отбил бы, честное слово.

– Коля, я сегодня был в университете. Зашёл посмотреть, как новички сдают. Там, говорят, из тира пистолеты украли.

– Ну и что? – Соболев нашёл нужную кассету, заправил ленту. – Вадим Алексеевич растапа. Ему не то, что пистолет, – чайник доверять нельзя. Тебе-то какая печаль-забота?

Лёня внимательно посмотрел на своего друга.

– Соболев, ты не обидишься, если я тебе расскажу одну вещь?

– Валяй.

– Я не знаю, мне стыдно было тогда рассказывать. Ты не обижайся только.

– Ну, я слушаю. Ты украл эти пистолеты?

– Коля, не шути. Помнишь, мы с тобой десятого июня выносили из деканата столы?

– Ты и число запомнил. Отрезок времени в прошедшем. – Соболев выключил магнитофон, сел.

– Я это число теперь надолго запомню. В тот вечер украли пистолеты. Тир-то закрывают на два месяца, только сейчас хватились. Я, когда услышал об этом, сразу всё понял.

– Откуда ты знаешь? Ты видел кого тогда?

– Помнишь, я пошёл в читалку?

– Ну.

Лёня искал причину, чтобы объяснить, зачем он поднимался на «голубятню». Он слегка покраснел и продолжал:

– Девчонки тогда не пришли. Я просто так поднялся на факультет. Когда нет никого... – Лёня запнулся.

– Поня-а-тно, – с улыбкой протянул Соболев. – Пустынные здания наводят на размышления. Лёня, ты философ.

– В общем, я был на нашей «голубятне». – Корнеев начал жалеть, что решил рассказать об этом. – Дверь 104 аудитории оказалась закрытой, а та, что на чердак, наоборот, была открыта.

– Там кто-нибудь ходил? – Соболев начал проявлять интерес.

– Я не знаю. У меня с собой был ключ от квартиры, мой ключ. Так вот он подошёл к двери старого деканата. Я хотел закрыть им эту дверь, но потом побежал посмотреть на свет время. А когда вернулся с «голубятни» обратно, моего ключа уже не было.

– Вот это да! – Соболев почесал затылок. – Занятно. А что если в деканате кто-нибудь стоял и видел тебя, а ты его не заметил?

Лёня пожал плечами

– Это ещё не всё. Дверь, через которую мы выносили столы в подвал, тоже была открыта. Ключ в замке торчал.

– Слушай, пистолеты вынесли через эти двери. Там же окно в тир! – воскликнул Соболев.

– Я тоже так думаю.

– Кто же это мог сделать? Эх, Лёня, почему ты сразу-то не рассказал?

– Откуда мне было знать, что кто-то тир грабил. Да ещё этот мой ключ. Что бы обо мне подумали?

– Знаешь, кто ты? – сказал Соболев, прищурился и поправляя очки. – Если не трус, то, мягко говоря, осторожный человек.

Лёня отвернулся от него, взял учебник и снова принялся перелистывать страницы.

– Не обижайся, я тебе откровенно говорю, – продолжал Соболев. – Я-то не обиделся, что ты утаил от друга такую тайну. Криминала за тобой нет, но рассказать кое-кому всё-таки следует.

В передней зазвенел звонок.

– Это отец. Ну, как, ему расскажем?

Лёня покорно махнул рукой.

Юрий Павлович вошёл усталый, чем-то обеспокоенный, заглянул через раскрытую дверь в комнату сына, поздоровался с Алексеем.

– Проводил я мать, уехала с вечерним. И зачем, спрашивается, в такую даль?

– Но у тётки Маши неприятности, – возразил сын.

– Как будто у нас своих неприятностей не хватает.

– Папа, мы хотим поговорить с тобой.

– Завтра, Коля, не могу, голова болит, мозги как кисель, в университете ЧП. Ты лучше кофе приготовь, пожалуйста.

– Ужин на кухне, а кофе сейчас будет. Пап, а мы знаем про ЧП.

– Откуда? – удивился Юрий Павлович.

Николай всё по порядку рассказал отцу. Юрий Павлович слушал его внимательно, не перебивал, прихлёбывал кофе. Он смотрел перед собой в одну точку, размышляя про себя. Наконец встал, снял очки, достал платок.

– Да, заварилась каша, – сказал он, протирая очки, – Ну-ка, где этот искатель приключений, идём к нему.

Они прошли в комнату, где сидел взволнованный Корнеев. Завидев их, Лёня встал.

– Сиди, сиди. – Юрий Павлович присел на диван. – Что же у нас тут получается, – пробормотал он самому себе и посмотрел на Корнеева: – И ты никого не заметил?

Лёня отрицательно потряс головой.

– Вот что, ребята. Сегодня вы никуда не пойдёте. У вас есть дома телефон? – спросил он Корнеева.

– Есть.

– Позвони домой, скажи, что останешься у нас. Завтра придут из милиции разбираться на месте. Они сегодня были, я их не застал. Если ты понадобишься, Лёня, я позвоню. – Декан усмехнулся, глядя на своего студента. – Не волнуйся, на тебя не подумают.

– Мы придём, – заверил отца Николай.

– Ты не суйся, – махнул рукой Юрий Павлович. – Разберутся без твоей помощи.

3.

– Лев Николаевич, вот данные экспертизы, – сказал эксперт, положив бумаги на стол.

Зайцев внимательно просмотрел документы.

– Как я и предполагал, – заговорил снова эксперт, – отпечатки следов, которые мы видели у стены в тире и на стуле явно несвежие. Размер обуви совпадает с размером обуви на убитом, но такой же размер носит и Иванченко. Кстати, он здесь. Позвать?

– Пока не надо.

– Преступник работал в резиновых перчатках, – продолжал эксперт. – Больше следов не обнаружено. Правда, в деканате инфака на двери есть отпечатки, но оставил их не преступник.

– Кто такая Шейдеман? – спросил Зайцев, снова углубившись в бумаги.

– Надежда Шейдеман, двадцать три года, образование незаконченное высшее. Отец директор ювелирного магазина. Мать живёт отдельно. В настоящее время Шейдеман без определённых занятий, в частном порядке занимается репетиторством. Отец её, надо сказать, не слишком жалуется.

– Есть фотография?

– Рисунок есть.

– Рисунок?

– Да. Она когда-то неплохо пела с эстрады. – Эксперт помялся. – Я люблю рисовать, Лев Николаевич.

– Лично знаком?

– Нет. Просто смазливая мордашка, рука так и тянется к бумаге. Взгляни.

Эксперт положил на стол рисунок, сделанный цветными карандашами.

– Преступления за ней нет, – заметил он, – но пальчики её у нас имеются. Около неё всегда всплывали подозрительные личности. Кое-кто уже на месте, не стану перечислять.

– Спасибо, Костя. Я давно хотел спросить, почему ты зовёшь меня по имени и отчеству. Намного ли я старше тебя?

– Школьная привычка, Лев Николаевич. Я в школе работал. Так позвать Иванченко?

– Минут через пять пригласи его, хорошо?

– Нажать на него надо, он что-то скрывает, – сказал Костя уже от двери.

Оставшись один, Лев Николаевич снова взял в руки Костин рисунок. Кто эта девушка? Почему её перстень с её отпечатками пальцев оказался в тире? Неужели она? Но этого не может быть. След на стуле. Не сможет женщина подтянуться до окна, а потом протиснуться в него. Тогда кто? Карташов? Вадим Алексеевич? У этого ключи. Или ещё кто-нибудь? Может быть, Надежда здесь ни при чём, а перстень у неё украли? Тогда что это: грубая работа или оплошность преступника? А если она была с кем-нибудь из мужчин? Ей нужны деньги, поскольку отец живёт с ней худо. Пистолеты можно продать. Карташов подходящий покупатель. А перстень? Тоже на продажу? Или это плата за «работу»? Не многовато ли? Всё не так просто.

Зазвонил телефон, Инспектор снял трубку.

– Зайцев слушает.

– Лев Николаевич, здравствуйте.

– Добрый день.

– Это из университета беспокоят. Декан факультета иностранных языков Соболев Юрий Павлович.

– Мне как раз необходимо с вами побеседовать, Юрий Павлович.

– Так у меня есть, что вам сообщить. Тут у нас один студент. Похоже, что случайный свидетель кражи. Странная история с дверями и замками у нас получается, Лев Николаевич. Понимаете...

– Юрий Павлович, я сейчас приеду. Подержите этого студента.

Зайцев бросил трубку, поспешно встал из-за стола и вышел в коридор. Иванченко поднялся ему навстречу.

– Вызывали?

– Вадим Алексеевич, мне с вами очень нужно поговорить, но сейчас нет времени. Вы завтра в это же время, хорошо?

– Тут такое дело, Лев Николаевич.

Физкультурник пошарил в кармане и достал гладкий двойной лист бумаги.

– Что это? – спросил инспектор.

– Путёвка. Я уезжаю завтра в Ялту. Подлечиться немного. Никогда не был в Ялте.

– Как так, Вадим Алексеевич, мы ещё ничего не выяснили, а вы собираетесь уезжать?

– Но я давно собирался в Ялту.

– Придётся вам немного подождать.

– Но я не могу ждать. У меня путёвка! – Физкультурник начал нервничать.

– Вот что, гражданин Иванченко. До тех пор, пока мы во всём не разберёмся, никуда вы не поедете. Хорошо получается: у него выносят из тира боевое оружие, а он на юг собрался, дескать, разбирайтесь сами – я отдыхать поехал.

– А я его не выносил! – Вадим Алексеевич энергично взмахнул атласной бумагой. – У меня путёвка! Если сегодня будете со мной говорить, я подожду. Сегодня у меня есть время. Зайцев немного смягчился.

– Ну что ж, подождите, если уж так. Можете пройти в красный уголок. Надеюсь, я сегодня вернусь.

В кабинете декана инспектора дожидались Юрий Павлович и невысокий черноволосый парень. Зайцев поздоровался.

– Это наш студент Корнеев, – представил Алексея декан. – Лёня, придётся тебе ещё раз рассказать о своих приключениях.

– Вы разрешите закурить? – спросил инспектор, доставая сигарету. Слушал он внимательно, с интересом разгляды вая молодого человека. Лёня рассказывал всё без утайки. Зайцев щурился, по лицу несколько раз пробегала улыбка. Он скрывал её, прижимаясь губами к сигарете. Когда Корнеев закончил свой рассказ, заговорил Юрий Павлович:

– Вот что интересно, Лев Николаевич, я хорошо помню, что запирали обе двери. Кстати, они умудряются запираются одним и тем же ключом.

– Я забыл сказать вам, Юрий Павлович, – перебил декана Алексей, – в замке двери, что за портьерой, был ключ.

– Ключ? – Декан усмехнулся. – Я не мог его оставить. Ты не ошибаешься, Лёня?

– Нет, я хорошо помню. Правда, я не знал, что ключ на два замка, и попытался закрыть дверь деканата своим ключом. И он подошёл, – Лёня стыдливо опустил голову.

– Замки под копирку, – прокомментировал инспектор и добавил: – А сколько у вас всего этих ключей?

– Два, может, три, – пожал плечами декан, – сейчас узнаем. – Он нажал на клавишу: – Зоя, зайди к нам.

Дверь раскрылась, вошла секретарша, худенькая девушка лет двадцати.

– Зоя, сколько у нас ключей от старого деканата? – спросил её Юрий Павлович.

– Два. Один у вас, другой у меня.

– Ну вот, значит всё-таки два, – сказал декан.

– Их было три, Юрий Павлович, Но Надя передала мне два ключа, – возразила секретарша.

– Значит, всё-таки три? – улыбнулся инспектор.

– Третий у Надежды. Она потеряла его, наверное. Я не знаю, – ответила Зоя.

– Иди, Зоя, спасибо, – отослал секретаршу декан.

– А Надя, это кто? – спросил Зайцев.

– Наша бывшая секретарша.

– Фамилия?

– Её фамилия Шейдеман.

4.

Из университета Зайцев сразу поехал к себе. Теперь кое-что ему стало понятным. Правда, прямых улик против Шейдеман у него не было, однако сомнений не оставалось: Надежда, так или иначе, связана с кражей в тире. Вновь перебирая в памяти подробности, рассказанные студентом, Лев Николаевич пришёл к выводу, что два месяца назад, вечером 10 июня в университете находились, по меньшей мере, два посторонних человека, поскольку студент Корнеев и на «голубятне», и в старом деканате в тот вечер кого-то потревожил, кому-то помешал спокойно уйти. Но они ушли, ушли через 104 аудиторию, спустившись по пожар-

ной лестнице. Зайцев поднимался на «голубятню», осмотрел чердак. Видимо, воры собирались сначала выйти через чердак по крыше, но в последнюю минуту изменили своему решению, благо лестница у самого окна, и карниз удобный, и для женщины безопасно. Наверняка так и было. Всё же, если она участвовала в краже, то вошли они оба в здание днём после занятий (надо ж было осмотреться), прошли по факультету и заперлись в 104 аудитории. А потом, когда все разошлись, она либо ушла, либо он оставил её в классе, а сам направился в тир, после чего оба скрылись. Во всяком случае, спрашивать сейчас, не заметил ли кто два месяца назад в университете кого-нибудь постороннего, глупо, не имеет смысла. Но кто второй? Если Карташов – тогда выходит, она его и застрелила. Трудно в это поверить. Вадим Алексеевич? Тоже непонятно. Хотя почему именно сейчас он хочет уехать? Струсил что ли? Однако держится вызывающе или это от отчаяния, как загнанный в угол кот. Конечно, надо сегодня с ним побеседовать, а то ещё и вправду уедет. Чем непонятнее обстоятельство, тем важнее оно может оказаться.

На улице Горького образовалась пробка. Троллейбус развернуло поперёк дороги, рожки слетели, водитель никак не мог дотянуться до путепровода.

– Гена, может, в переулок свернём, – подсказал Зайцев шофёру.

– Там по улице Дзержинского проезд закрыт, Лев Николаевич, дорогу перекопали.

– Так её уже засыпали.

– Больно скоро. У нас, если раскопают... ну ладно, поехали, узнаем.

У двухэтажного дома стояла чёрная «Волга» с задраным капотом. Высокий парень в джинсах копался в моторе. Гена тормознул, высунулся из окошка.

– Эй, парень, там дальше теперь можно проехать?

– Дороги нет, по тротуару можно, если тёща в ГАИ работает, – ответил парень и снова нырнул под капот.

– Поехали, – сказал Зайцев.

Иванченко дождался инспектора в красном уголке.

– Заждались, Вадим Алексеевич?

– Ничего, я же сказал, что располагаю пока временем.

– Проходите. – Зайцев открыл кабинет.

Физкультурник несколько вразвалку прошёл к столу, сел. Недавняя спесь ещё не прошла, он выжидающе смотрел на инспектора.

– Так вот, Вадим Алексеевич, я думаю, разговор наш будет недолгим, – начал Зайцев.

– Надеюсь.

– Может быть, вы хотите что-нибудь мне рассказать? – Лев Николаевич посмотрел Иванченко в глаза.

– Всё, что нужно, я уже рассказал и список, который вы просили, представил.

Зайцев решил перейти к делу. Он раскрыл папку.

– Я только что был в университете. Вот показания свидетеля относительно ограбления тира. Пистолеты вынесли из вашего тира вечером 10 июня в 21 час 30 минут.

Лицо физкультурника вытянулось. Инспектор продолжал:

– Преступник с оружием из тира прошёл через двери на факультете инфака. Не исключено, что он видел там случайно оказавшегося свидетеля. Это студент третьего курса Алексей Корнеев. Из здания университета воры спустились по лестнице через 104 аудиторию. Вы знаете, где 104 аудитория, Вадим Алексеевич?

– Знаю. Но какое это имеет отношение ко мне? И потом, их что, было двое?

Зайцев открыл стол, достал дамский перстень.

– Это золотое колечко найдено в тире. Будем дальше отпираться?

– Обронил кто-нибудь, я не заметил. Вы сыщики, вам и карты в руки. – Вадим Алексеевич полез в карман за платком.

– След, обнаруженный на стуле, идентичен со следом вашей обуви. На сейфе, кроме отпечатков ваших пальцев, других нет.

Зайцев понимал, что этого мало, но сказанное возымело действие. Физкультурник поднялся со стула.

– Что вы хотите этим сказать, Лев Николаевич?

– Сядьте, пожалуйста. Значит, вы не знаете, кто второй преступник? – спросил инспектор, снова взяв в руки перстень.

– Я не понимаю, о чём вы говорите! Я не знаю ни первого, ни второго. Я не знаю, чьё это кольцо!

– Зато я знаю. Этот перстень принадлежит Надежде Шейдеман.

Иванченко побледнел. Заметив перемену в лице преподавателя, Лев Николаевич продолжил свою мысль:

– Вы были в тот вечер вместе с ней, Вадим Алексеевич. Вы инсценировали кражу через окно. Чтобы запутать следствие, Шейдеман своим ключом открыла двери на факультете. Я не могу сказать, зачем вам или ей понадобилось оружие, но через несколько дней после кражи за городом из пистолета системы «кольт» был убит человек.

– Нет! – вдруг вскрикнул физкультурник. – Только не это! Только не это! Я расскажу, я расскажу, как было! Да, я был с ней в этот вечер. Но я был на её именинах! У меня есть свидетели!

– Вы успокойтесь, говорите нормальным голосом.

Лев Николаевич налил в стакан воды, пододвинул Иванченко. Тот сделал два судорожных глотка, промокнул вспотевший лоб.

– Я собирался опечатывать двери, когда она пришла ко мне в тир.

– Извините, я перебую вас, – сказал Зайцев, жестом останавливая преподавателя. – Надежда ваша, простите за нескромный вопрос, любовница?

Иванченко ничуть не смутился.

– Один раз мы были в ресторане, другой раз у неё в гостях. Вот и всё, – ответил он.

– Хорошо, продолжайте.

– Так вот она пришла, когда я собирался опечатывать двери...

– *Вадик, привет!*

В помещение тира вошла блондинка в светлом платье настолько прозрачном, что сквозь него без особого труда можно было изучать анатомию женского тела. Так называемое платье представляло собой кусок воздушной материи, обтягивавшей фигуру через левое бедро на правое плечо, завязанное таким образом, что носить это платье казалось небезопасным.

– Наденька! Неужели это ты, я не узнаю тебя! Ну, проходи, проходи, дорогая! Дай я на тебя посмотрю. – Вадим Алексеевич улыбался.

Она ему очень нравилась. Слабый свет падал на лицо, в локонах сверкала брошь. У него были женщины, но никогда он не встречал таких больших, томных глаз. Алые губы, прядь волос, спадающая на грудь, тонкие дуги бровей, тяжёлые веки и длинные, загнутые ресницы. Щёки круглые, гладкие, как спелые яблоки; упрямый красивый подбородок, длинная точёная шея. Но что-то было змеиное в посадке её головы, а, глядя на эти губы, глаза, так и просились на язык строки из дешёвого романа: «О дьявол, снеси её к воротам ада, ибо лишь сам сатана мог владеть такой женщиной!»

– Ну, как моё вечернее платье? – пропела Наденька, грациозно отставив руку в сторону, покачивая бёдрами, попеременно сгибая левое и правое колено.

– У меня нет слов. Ты королева. Мы сегодня идём в ресторан?

– Милый! – промолвила королева, оставляя вопрос без ответа, приблизилась к своему поклоннику и, погладив мускулистое плечо, чмокнула преподавателя в нос. Взволнованный

Вадим Алексеевич не спускал восторженных глаз с неожиданной гостьи, а она, напевая весёлый мотив, закружилась вокруг него, схватила со стола лежащую там книгу, раскрыла посередине и вслух прочитала:

– «Мастер стендовой стрельбы». – Она захлопнула книгу, посмотрела по сторонам и с деланным изумлением спросила:

– Это, значит, здесь вот и стреляют?

– Здесь, Наденька.

– Я никогда не стреляла. Вадик, ну, покажи, как это делается, – я тоже хочу выстрелить.

– Я уже всё закрыл, Наденька. Сегодня последний день, но для тебя чего только не сделаешь.

Иванченко достал ключи, открыл сейф, взял в руки малокалиберный пистолет.

– Ой, Вадик, а мне говорили, у тебя есть настоящее оружие, – сказала гостья.

– Это и есть настоящее малокалиберное оружие.

– Нет, мне говорили про другое, у тебя есть другие пистолеты, как... крупнокалиберные что ли?

– Ты всё знаешь, дорогая, – улыбнулся физкультурник, подыскивая в связке нужный ключ от сейфа.

– Да об этом все знают, Вадик.

– У меня с патронами для них туговато.

– Ну, для меня-то не жалко.

Иванченко открыл сейф, зарядил обойму, взял «кольт».

– Что ж, показываю, – сказал он, останавливаясь рядом с Надеждой, вскидывая руку к мишени. Гостья закрыла уши ладонями. Один за другим прогремели три выстрела.

– Смотри, – Вадим Алексеевич повернулся к ней.

– Куда смотреть?

– В бинокль.

Шейдеман подошла к биноклю, наклонилась к окуляру.

– Две дырки в девятке и десятке, – объявила она. – А где третья?

– Смотри внимательнее. Одна дырка наверняка больше другой.

Надежда посмотрела ещё раз.

– Верно, – удивилась она. – Одна в одну! Вадик, ты мастер! Теперь моя очередь.

Иванченко переложил пистолет в левую руку, другой взял руку своей гостьи.

– Указательный палец вот сюда, – объяснял он. – Теперь нажимай и отпускай. Целься под яблочко, не закрывай его. Стреляй в другую мишень.

Он подошёл к биноклю.

– Можно я двумя руками? – спросила Надежда.

– Можно.

Она закрыла левый глаз, долго целилась, наконец, грохнул выстрел.

– Пятёрка. Неплохо для начала.

Ещё выстрел.

– Шестёрка. Молодец, Наденька!

– Ага! – воскликнула гостья и сделала подряд два выстрела.

– Молоко, – объявил Иванченко.

– Какое молоко?

– В мишень не попала.

– Как не попала? – Она подошла к биноклю.

– Убедилась? Пять и шесть. Ты поосторожнее с оружием, – сказал он, отводя её руку в сторону.

Надежда выпрямилась и, не целясь, выстрелила по мишени с того места, где стояла.
– Девятка! – радостно вскрикнула она, заглянув в бинокль. Шейдеман снова вскинула пистолет и опустила его.

– Ой, Вадик, я совсем забыла! – сказала она, приложив ладонь к щеке. – Я пришла тебя пригласить, у меня сегодня день рождения.

– Наденька, я поздравляю тебя! Чего ж ты молчала? Значит, мы точно идём в ресторан?

Она посмотрела на часы-кулон, приложила их к уху.

– Вадик, они стоят! Я обещала вернуться к трём часам, а сейчас сколько?

– Не знаю, должно быть, три уже есть.

– Я за тобой пришла. Гости ждут, идём!

– Хорошо, Наденька, я сейчас всё закрою, опечатаю двери и пойдём.

– Вадик, неудобно, ждут же. Завтра всё сделаешь. – Она сунула пистолет в ящик стола. – Идём!

– Я хоть сейф закрою.

Но она уже тащила его за рукав к выходу.

– Какой ты зануда!

Вадим Алексеевич успел на ходу повернуть выключатель сигнализации, не заметив досады на лице Наденьки. Заперев дверь, он помчался за экстравагантной женщиной, которая, не дожидаясь его, уверенная, что тот не отстанет, уже шла по улице...

Зайцев пододвинул преподавателю пачку сигарет.

– Курите, – предложил он.

– Нет, спасибо. Я не курю.

– Так вы вместе из тира отправились к ней домой?

– Да. Именины удалась на славу, и гостей было много.

– А вы можете сказать, Вадим Алексеевич, отлучалась ли Надежда в тот вечер или она всё время была с гостями или с вами?

Иванченко немного помялся и ответил:

– Я, кажется, перебрал тогда, плохо помню. Было много гостей, была музыка.

Лев Николаевич достал лист бумаги, протянул физкультурнику.

– Запишите сюда всех, кого вы запомнили на вечере у Шейдеман.

– Признаться, знакомых я не припоминаю. Хотя... – Иванченко достал ручку, сделал несколько записей.

– Ночевали вы у неё?

Физкультурник поднял голову, не задумываясь, ответил:

– Когда я проснулся, она была дома.

– Вадим Алексеевич, почему вы сразу не заявили о пропаже оружия? Ведь вы пришли в тир на другой день, так?

– Так. – Иванченко отвёл глаза в сторону. – Я не мог на неё подумать, тем более заявить на неё. Через два дня я решил позвонить ей. Мне сказали, что она уехала в Ялту. Кстати, она и сейчас там.

– И поэтому вы собираетесь тоже в Ялту?

– Нет, это чистое совпадение.

– Я очень сожалею, но поездку придётся отложить.

– Но моя путёвка!

– Я должен уточнить ваше алиби, – сказал инспектор. – А с путёвкой что-нибудь придумаем.

Встреча

1.

Посидеть с удочкой тёплой летней ночью на берегу тихой речушки – разве это не истинное наслаждение для человека? А утром, утром окунуться в молочную, парную воду, пахнущую туманом, когда в пяти метрах от берега не видно никакого берега. Лежишь себе на спине и видишь, как крадутся и обнимают тебя белые змеи, словно дрейфуешь в жидком азоте. Ужасно? Нет. Ведь это игра воображения. И вот уже ноги стали деревянными, и вода не ощущается вовсе, и ты висишь в пространстве – и бездна за твоей спиной.

Утреннее купание. Такое удовольствие не может сравниться с барахтаньем в горькой воде Ялты или Сочи или ещё там какого курорта.

Лёня Корнеев не в первый раз приезжает в молодёжный лагерь «Ровесник». Почти за городом, а рыбалка здесь отменная, и отдохнуть можно не хуже, чем на курорте. Иногда он приезжал сюда с Верой Румяновой, программисткой приборостроительного завода. Случалось, уходил один, а она приезжала утром. Лёня тащил её на свою мостушку и обещал такого карася, какого она в жизни не видела и уж, конечно, не ловила на удочку. Вера не любила рыбалки, но ей нравился рыболов. Когда рыба не клевала, они подолгу сидели у воды, слушали тишину – и ей казалось, им обоим повезло, что встретили друг друга.

Они познакомились в авиаклубе. Вера стояла у стенда, разглядывала фотографии, читала объявления и не замечала за спиной молодого человека. А он, чуть улыбаясь, ждал, когда девушка повернётся, и, дождавшись, поинтересовался, зачем она сюда пришла. Вера смерила парня взглядом, но, приняв его за «старичка», спросила, можно ли ей в парашютную группу. Не разоблачая себя, Лёня дал исчерпывающую информацию, тем самым окончательно убедил девушку, что перед ней бывалый спортсмен-лётчик. Он действительно ещё до занятий в клубе о спортивных самолётах знал более, чем достаточно, начиная прямо с У-1 и кончая современными отечественными ЯКами, включая также и зарубежные образцы типа «Акростар» или «Торнадо». К тому времени в клубе его многие знали, пожимали руку. Короче, кончилось тем, что Вера, изменив своему прежнему намерению, решила записаться в группу лётчиков, хотя призналась, что зрение у неё где-то между 0,9 и 1,0. Лёня успокоил её, начал советовать, как справиться с ненужным волнением и повысить остроту зрения перед медкомиссией. Он не был хвастуном и, конечно, тут же признался, что никогда не сидел в кабине самолёта. Вера снисходительно улыбнулась, но втайне порадовалась, что будет заниматься в одном клубе вместе с этим искренним, добродушным парнем. После знакомства в авиаклубе они встретились ещё раз. Два раза он приглашал её в «Ровесник». Вот и на этот раз Вера обещала приехать утром, а пока будущий лётчик готовился к ночной рыбалке.

Спальный домик стоял на берегу. Каменная лестница и деревянный настил спускались к воде. Днём здесь купались, полоскали бельё, а вечером, как это ни странно, клевала рыба. Лёня протянул из домика электрошнур, ввернул в патрон лампочку, повесил шнур на ветку склонившейся над водой ивы. Потом он принёс мягкий стул, поставил рядом термос с горячим чаем и раскидал заготовленную прикормку. Одним словом, рыбалка получалась с комфортом.

Часов в десять, ещё звучала на танцплощадке музыка, Корнеев пришёл на своё место, включил свет, забросил удочку. Он всегда ловил на один крючок, потому что клёв, случалось, бывал таким бурным, что посидеть на мягком стуле, потягивая сладкий чай, не удавалось: не успевал гусиный поплавок «принять стойку», как сразу, увлекаемый голодным карасём, уходил в чёрную воду. Лёня на удочке для замены одного крючка другим приспособил оригинальный переходничок, который одновременно служил грузилом. Чтобы заменить большой крючок на малый или наоборот, достаточно было двух простых движений. Отвлекаться

он не любил. Если к берегу подходила крупная рыба, Алексей ставил большой крючок, уже не размениваясь на мелочь.

Музыка на танцплощадке стихла, темнота сгустилась, вот уже проглотила домик, деревья, речку. Кроме яркой зелёной ветви, на которой висела лампочка вверху, да одинокого рыбака у тёмной воды внизу, ничего не осталось. Если посмотреть в это время с берега, то может показаться, что сидит человек в городской квартире и пьёт чай. Лёня допивал вторую крышку, а клёва всё не было. Карась не шёл. На том берегу хохотнула неясность и затихла, где-то в воду упала сухая ветка. Наверное, будет дождь. Время от времени почти у самого лица проносились летучие мыши. Он привык к ним и перестал шарахаться от них в сторону. Сверху к нему спустились по ступенькам парень и девушка.

– Спички есть? – спросил парень.

– Не курю, но огонь имеется. – Лёня достал коробку спичек.

– Ну, как, клюёт? – закуривая, поинтересовался парень.

– Нет. Мудрит карась сегодня.

– Сушёной рыбки захотелось, – подала голос девушка, – не хочет карась без воды на солнышко.

– Видите ли, на худой конец ушницы бы отведают мне, поутру глядя, – в тон ей ответил рыболов, поворачиваясь к парочке.

– Неудачна рыбалка будет ваша, сударь, – с улыбкой добавила девушка. – Лучше погуляй пока. Утром придёшь.

Они ушли. Лёня проводил их взглядом, различая в темноте лишь светлое платье девушки; подумал о Вере. Сколько он знал её? Два, три месяца? Недели две не видел совсем. После знакомства в клубе он встретил её в парке, и весь вечер они провели вдвоём. Потом он пригласил её в кино, хотя ему не хотелось делать такого, как ему казалось, чересчур банального для первого знакомства приглашения. Однако Вера так не считала, и фильм к тому же был о лётчиках.

Довольно скоро Лёня узнал, что у Веры есть сестра Люба, а когда увидел сестру, понял, что в одинаковых платьях не отличить ему своей Веры от Любы; сёстры оказались близнецами. Со временем Лёня научился различать их. Вера, весёлая, энергичная, всегда говорила то, что думала. Если он рассказывал о чём-нибудь, то сразу мог определить, интересно ей или нет. Люба, более сдержанная, скрытная, хотя тоже любила посмеяться над хорошей шуткой. То ли в угоду моде, то ли шутки ради, наверное, по очереди они меняли цвет волос, и, когда после нескольких дней разлуки снова при встрече, обе пошушукавшись, начинали кокетливо улыбаться, Корнеев, несмотря на свою проницательность, поднимал вверх руки.

Лёня толком ещё не разобрался в своих чувствах, но понимал, что Вера для него теперь многое значит. Когда в первый раз он попытался её поцеловать, она оттолкнула его – и он понял почему. Столько фальши было в его деланной страсти, что он и не подумал обижаться на неё. Лёня вспомнил, как после выпускного вечера в школе он провожал свою одноклассницу, как они долго сидели на скамейке, она ждала чего-то, а ему казалось, что он обязательно должен обнять её. Как трудно это было сделать! Он сидел, косился на девушку, прикидывал, куда положить руку, и наконец заставил себя обнять её, хотя, кроме стыда и ужасной неловкости, ничего не испытал большего. И как благодарен он теперь Вере за то, что она, не сказав ни слова о любви, с первого раза научила его не фальшивить. Ведь куда проще: прислушиваться к собственному сердцу и поступать так, как велит совесть. И если нет ничего в душе, кроме безоблачного спокойствия, то стоит ли обманываться в одну минуту, насильно подогревая собственные чувства? Вера показалась ему единственной, какую он ждал и всегда хотел, чтобы она объявилась.

Лёня сидел, не отрывая глаз от поплавка, который, подгоняемый невидимым течением, незаметно приближался к дощатому настилу.

Как неожиданно всё изменилось для него в жизни, как внезапно всё перевернулось! Теперь он думал не только об учёбе (учился он хорошо) и хотел не только летать (об этом он мечтал с детства), но в его мыслях, в его сознании появилось место и для Неё. Как странно всё это! Доселе он думал о делах земных и делах небесных, а теперь – новые мысли, беспокойные мысли, волнующие, бесконтрольные.

Поплавок внезапно исчез с поверхности воды. Рыбак от неожиданности вскочил со стула. Удочку слегка дёрнуло, подсекать уже было поздно. Леска натянулась. Корнеев довёл карася до настила, тот со всхлипом выпростался наружу, сорвался с крючка и запрыгал на досках. Лёня рукой накрыл рыбу, достал из-под мостушки ведро и бросил туда добычу. Карась неистово забился, разбрызгивая воду. Лёня отодвинул ведро подальше от света, насадил червя и снова забросил удилище.

Прошло десять минут, двадцать, прошло полчаса, уже было далеко за полночь, но рыба больше не клевала. «Пойду-ка я спать», – решил Алексей, закрепил удочку и направился к домику; у ведра остановился, осторожно повалил его ногой. Карась выкатился вместе с водой, жабры его раздувались, он подпрыгнул, перевернулся через голову, заскользил по мокрой доске и шлёпнулся в чёрную гладь реки.

В четыре часа, когда за окном чуть просветлело, Корнеев проснулся. Он быстро встал, вышел из домика. До рассвета ещё далеко. По солнцу было не четыре, а три часа утра, но ночь уже прошла. Исчезла та самая чернота, при которой даже на фоне неба порой не видно собственной пятерни. Был тот предрассветный час, когда всё окутано какой-то серой мглой. Взгляд уже доставал до земли, различались верхушки деревьев, и если близко поднести руку к глазам, то её хорошо видно.

Подул свежий ветерок, зашелестела листва. Тишина ещё парила над лесом, но её теперь было не жалко. Лёня спрыгнул с первой высокой ступеньки на вторую, спустился вниз. Удочка, зажатая в щели из-под выбитого сучка, всё так же свисала над водой. Червяк, похожий на белую верёвочку, нетронутым провисел ночь на крючке, не соблазнив более ни одной рыбы. Лёня заменил насадку. Часа два безуспешно ожидал клёва, но напрасно. Ветер усиливался, поднялась волна, поплавок то и дело прибывало к настилу. Рыбалка потеряла смысл.

В семь часов по лагерю объявили подъём. На дорожках появились спортсмены, зазвучала музыка. Лёня собрал свои нехитрые снасти, отнёс в домик. Он ждал Веру – на тумбочке в кефирной бутылке атели красные розы.

После завтрака Корнеев отправился на пристань. Лодки были его ещё одной, но в отличие от самолётов, реальной страстью. На воде за рулём быстроходного катера, когда отодвигались берега, приходило ощущение полёта, жгучее желание испытать пространство, затеряться в глубинах пятого океана. Когда Лёня учился в школе, прикипел душой к лодкам, научился водить катер, сдал на права и некоторое время работал спасателем на лодочной пристани, а когда поступил в университет, старых друзей не забывал.

– Работникам спасательной службы привет! – поздоровался он, входя в небольшой сарай, называемый ангаром, где размещалась ремонтная мастерская, а зимой хранились лодочные моторы.

– Лёня, здорово, – отозвался белобрысый парень в широченных штанах.

– «Прогресс-1» к старту готов? – улыбаясь, спросил бывалый спасатель.

– Не совсем, – серьёзно ответил парень.

– Как так, Миша? Мы же договаривались?

– Ну, договаривались. Тут все асы-водители, я, я... цилиндр от мотора. Шпонку вчера сорвали на твоём «Прогрессе».

– Вот дьявол! Починить надо.

– Чини. А то каждый за руль сам, а чуть что – Миша. В городе хоть деньги за это платили. Тебе девок катать, а у меня ещё два мотора бездыханные. Вон напильник – бери и чини.

– Каких девок, Миша? – обиженно возразил Корнеев, разыскивая на верстаке в куче железа подходящий лагунный стержень.

– Рассказывай, прошлый раз видел с тобой чёрную, глазастую. Скажешь, что не она?

– Это Вера, Миша, программистка с «Электроприбора».

– Ха, программистка. Ну, её-то возил?

– Правильно, и сегодня повезу, но только её.

Лёня зажал в тиски стержень, взял напильник.

– Хочешь свежий анекдот? – предложил Миша.

– Давай.

– Значит, так. Попадает программист в ничего...

– Привет, мальчики!

В дверях ангара появилась тёмноволосая девушка в лёгком светлом платье с розами в руках. Полные губы, растянутые в улыбке, обнажали красивый ряд зубов. Большие карие глаза, длинные ресницы. Платье с низким вырезом немного удлиняло шею, зато подчёркивало стройную фигуру. Девушка стояла спиной к солнцу, и лучи его золотыми искорками переливались в чёрных кудряшках. Она вошла в ангар, весёлая, возбуждённая, показалась ребятам

такой женственной, что оба, забыв о своей работе, молча уставились на неё. Миша перевёл взгляд на своего друга, словно хотел сказать: «Неужели это она, ну, ты, брат, даёшь?!»

– Вера, ты уже здесь! – очнулся, наконец, Корнеев. – Ты сегодня великолепна!

– Почему сегодня? Я всегда такая. Спасибо за цветы. Где ты их взял?

– Какое это имеет значение. Главное – они у тебя.

– А что вы здесь делаете? Мы пойдём на катере или опять ловить твоих карасей, Лёня?

– Да.

– Что да?

– Придётся подождать, Верочка. Тут, видишь, небольшая авария.

Миша отложил работу, подошёл к Алексею, взял у него напильник.

– Ладно. Давай «Нептуна» поставим. Я всё равно снял вчера твой мотор. Там бензин подтекает. А этот, правда, чихает немного, зато сразу поедет.

– Вот что значит – настоящий друг, – сказала Вера и поцеловала польщённого парня в щёку.

Ребята закрепили мотор, проверили управление.

– Заводи, поехали! – радостно произнёс Лёня и жестом пригласил Верочку.

– Уже?

Корнеев молча развёл руками. Верочка легко спрыгнула в лодку.

– После пяти часов меня здесь не будет, учти! – крикнул вдогонку Михаил, провожая глазами лихо развернувшуюся к фарватеру лодку.

Нахмурившееся было с утра небо вновь заголубело, но ветер не стихал, и порывы его, прогретые солнцем, ласково шлёпали по лицу.

– Ты сядь, – сказал Лёня.

– Так лучше, ветер какой тёплый!

Вера стояла, держась за козырёк лодки, подставив ветру лицо. Лодка вырвалась из узкой горловины в широкое русло реки. Едва просматривались берега, волна здесь поднималась выше, закручивая белые барашки. Они стучали по бортам то и дело задиравшей нос лодки. Казалось, кто-то снизу стучит по днищу деревянными молотками.

– Дай порулить, – попросила Вера.

Лёня сделал малый ход, быстро встал.

– Садись скорее и сразу газуй.

Они поменялись местами. Вера прибавила ходу, лодку чуть накренило, волны захлопали по борту.

– Ставь на волну! Смотри, как качает, – инструктировал Алексей.

Моторка выровнялась и снова устремилась вперёд.

– Как в самолёте! – улыбнулась Вера.

– К весне и на самолёт сядем, – сказал Алексей. – Ты не передумала?

– Нет. Люба тоже собирается с нами.

– Дуэт сестёр. – Лёня поднёс кулак к губам, изображая спортивного комментатора: – Внимание. А сейчас в воздухе кандидаты в мастера спорта сёстры Румяновы. Произвольная программа высшего пилотажа, парное катание.

– Так вот! – засмеялась Верочка, поворачивая до упора ручку газа. Моторка стрелой помчалась к тому месту, где река расходилась на два рукава.

– Пройдёмся по городским пляжам? – предложил Корнеев.

– Пройдёмся.

– Тогда нам сюда, – указал он.

Лодка с ходу развернулась по ветру и, не сбавляя скорости, вошла в новое русло.

– Эй-эй, полегче. Ты не видела, как опрокидываются на повороте.

– Не бойся, я с тобой! – успокоила своего инструктора Верочка.

Волны, поднимавшиеся за моторкой, шумно валились на берега, откатывались назад, шуршали по кустам. Река в этом месте была совсем узкой. Впереди показался мост и первый пляж.

– Стоп машина! – самой себе скомандовала Вера.

– Зачем? – повернулся к ней Корнеев.

– Ложимся в дрейф. Отдохнём, Лёня.

Она положила голову ему на плечо. Вода в реке успокоилась. Лодка, подгоняемая ветром, тихо шла по течению. Он обнял её, стиснул ладонями талию, коснулся губами её волос.

– Знаешь, у меня неприятности, – сказала Вера.

– Забудь о них, – прошептал он.

– Я не могу, третий день не везёт мне.

– Что же у тебя стряслось такое?

Она села, облокотившись на руль руками.

– Понимаешь, первая программа ни к чёрту. Не получилась. Рабочий на станке сделал мою деталь быстрее, чем сработал автомат.

– Какую деталь?

– Фланец. Да ты всё равно не знаешь.

– Я не знаю?

Он потянул её к себе. Она встретила его взгляд, пододвинулась ближе, руки скользнули под расстегнутую рубашку за спину.

– Да ну его этот фланец. Я люблю тебя, Лёня.

Лодка отклонилась от середины реки, подплывая к берегу.

– Эй, кудрявая! – неожиданно раздался близко мужской голос.

– Ой! – Вера вздрогнула, отёрнула руки.

С берега донёсся дружный хохот. У кромки воды стояли двое рослых парней в плавках. Один из них с короткой причёской и выпуклым брюшком заметно покачивался. Вторым, загорелый детина, заложив большой палец левой руки за резинку плавков, другой делал многозначительные знаки, обращаясь к Вере:

– Откуда плывём? Из какого репертуара? Швартуйся к берегу, красотка!

– Плыви к-к нам, Аф-ф-родит-та. У нас весело, – заплетаящимся языком поддакнул толстяк.

– Лёня, заводи, поехали. Не заговаривай с ними, – вполголоса сказала Вера, отвернувшись от парней.

– Смотри, д-длинный, они н-не з-замечают нас. К-какие невежливые. Это же, как его, н-нигилизм, – сострил толстяк. – Эй, красота, – крикнул он. – Я поп-прошу не поворачиваться задом, а то у меня появляются з-задние мысли.

Лёня между тем поднялся к мотору, взялся за шнур, резко потянул на себя. Мотор забулькал, чихнул два раза и заглох.

– Эй, парень, подбрось до моста! – заговорил «длинный».

– Да вы что, ребята, мост рядом. Мы не пойдём туда, мы возвращаемся в лагерь.

Лёня снова дёрнул за шнурок, но «Нептун» не заводился.

– А нам не идти, нам плыть надо! – заорал «длинный» и бросился в воду.

В несколько взмахов он преодолел расстояние, отделяющее его от моторки. Вера схватилась за весло, но было поздно – руки «длинного» уже достигли цели. Он вынырнул из воды, лодка зачерпнула бортом. Лёня едва удержался на ногах.

– Алей оп! – И в следующую секунду загорелый детина стоял в лодке. – Ну что, красотка, плывём к морю? – Он схватил Веру за руку.

– Убирайся! – Лёня двинулся на «длинного».

– А, извини, я забыл за тебя, – осклабился «длинный» и, выбросив вперёд руку, с силой толкнул Алексея ладонью в лицо, опрокинув его за борт.

Едва Корнеев появился на поверхности, как услышал громкий крик Веры: «Лёня!» Она отчаянно сопротивлялась. Лёня ухватился за лодку, но в то же время за спиной услышал другой хриплый голос: «Воздух!» – и грузное тело, навалившись на него сверху, снова увлекло под воду. Лёня успел глотнуть воздух, в воде высвободился из объятий толстяка, погрузившись до самого дна. Он неуклюже завалился на спину, увидел ноги, днище моторки, заметил, как она резко наклонилась, – и две фигуры плюхнулись в воду. Корнеев оттолкнулся ногами, но, поторопившись, ударился о дно лодки, закашлялся и уже не видел, как вдоль берега, сбрасывая на ходу рубашку, бежал человек.

Чьи-то сильные руки приподняли его из воды, направили к берегу. Корнеев пытался плыть сам, хотя в этом не было необходимости: неизвестный с такой силой подталкивал его вверх, что Лёня чуть ли не наполовину высовывался из воды, не доставая до неё руками. Он ещё не видел своего спасителя, опираясь на его руку, продолжая кашлять, поднимался к берегу. А тот легонько похлопал его по спине, произнёс:

– Ничего, ничего, Лёня.

Корнеев поднял голову и увидел перед собой высокого парня из чёрной «Волги».

– Дмитрий! – радостно воскликнул он.

Тем временем Вера, сопровождаемая неугомонившимися молодцами, выбирались на сухое место. Появление неожиданного помощника ничуть не смутило подвыпивших дружков. Они ещё на что-то рассчитывали. «Длинный» поймал девушку за платье.

– Снимай, посушим!

– Пустите меня!

– Вера! – Алексей рванулся к ребятам, но Дима остановил его.

– погоди! Они же ничего не поняли.

Он подошёл к толстяку, который оказался ближе, повернул его к себе лицом. От мощного удара в челюсть толстяк перелетел через лавочку и свернулся на песке. «Длинный» подобрал под ногами пустую бутылку и, широко расставив руки, пошёл на Дмитрия. Корнеев больше не раздумывал. Он мгновенно оказался между ними.

– Лёня, уйди! – крикнул Дмитрий.

«Длинный» махнул бутылкой – Лёня нырнул ему под руку и что есть силы ударил кулаком под ложечку. Бутылка звякнула о землю. «Длинный», схватившись руками за живот, переломился пополам, с хрипом выплёвывая ругательства. Корнеев смотрел на него, не веря своему удару. Дима, приблизившись к ним, ребром ладони добил «длинного», тронул Алексея за рукав.

– Пошли. Лодка уплывает.

Вдвоём они вытащили моторку на берег; а в это время побитая пара, удаляясь, трясла кулаками. «Мы ещё встретимся!» – грозились они.

Вера, оставшись в купальнике, выжимала мокрое платье. Она подошла к ребятам.

– Лёня, как ты? Я испугалась, когда ты упал в воду, думала, ты утонул – тебя всё нет и нет.

– Ничего, переживём.

– Ой, у тебя кровь из носа!

Она приложила холодное платье к его лбу.

– Запачкаешь.

– Выстираю.

– Вера, познакомься. Это Колосков Дима.

Дмитрий с интересом разглядывал её.

– Вера Румянова. Простите Дима, руки подать не могу, заняты, – сказала она.

– Вы садитесь на лавочку. – Дима достал из кармана намокший платок и сунул Алексею под нос. – Возьми. Не надо запрокидывать голову.

– Спасибо, – поблагодарил Корнеев. – Дима, ты вовремя подоспел. Если б не ты.

– А ты тоже молодец, – засмеялась Вера. – Вон «длинного» звезданул – сломался, как подсолнух. Я бы не подумала, что ты так можешь.

Она перевела взгляд на Дмитрия, только теперь оценив незнакомца, заметила суровые черты лица, серьёзность, с которой он разговаривал.

– Дима, а вы с нами поедете?

– Можно на «ты», – разрешил Дмитрий.

– Ребята, поедемте вместе.

– Спасибо, Вера, не могу – я на работе.

– Сегодня воскресенье?

– Такая работа.

– Жаль. Тогда вот что, мальчики, в следующую субботу я приглашаю вас на день рождения. Дима, приходи обязательно, я познакомлю тебя с сестрой.

– Неудобно. С первого раза?

– О чём ты говоришь! – сказала она поднимаясь. – Ну, вы посидите пока, – и убежала сушить платье.

– Ты, правда, приходи в субботу, – сказал Лёня.

– Я постараюсь.

– Приходи ко мне: Пионерская, 10, квартира 34. Запомнил? А от меня сразу к ним.

Они оба смотрели на Веру, которая, положив на траву платье и достав из сумочки щётку, сушила на ветру волосы.

– Нравится? – вдруг спросил Алексей, не скрывая улыбки.

– Хорошая девушка. Ты молодец.

– Считаю, что она у тебя есть.

– Не понял.

– Приходи в субботу и всё поймёшь. Тебе сейчас куда?

– На пристань. Делегацию из Одессы встречаю.

– Так мы подбросим.

Моторка остановилась у причала. На прощание Дмитрий крепко пожал Алексею и Вере руки.

– Не забудь, в субботу. Я буду ждать, – сказала она.

Лодка скрылась за мостом, а Дима всё стоял и смотрел на воду. Как хорошо, что он встретил Алексея! Смелый парень. И эта милая девушка. Как было бы хорошо, если б они стали ему друзьями.

3.

Делегация состояла из трёх человек: одной женщины и двоих мужчин. Дима определил их сразу, как только они сошли с теплохода. Коротко представившись, он сказал:

– Мне поручено проводить вас сегодня в гостиницу, а завтра в девять утра Анисим Львович будет ждать вас у себя в кабинете. Так устроит?

– Вполне. Большое вам спасибо, – поблагодарил пожилой мужчина. А женщина добавила:

– Узнаю Анисима Львовича. Для директора будущего объединения, я бы сказала, совсем неплохо.

По дороге в гостиницу Дима рассеянно отвечал на вопросы, которые больше задавала женщина. Наконец, распределив приехавших по номерам отеля, он поехал в гараж.

Какой сегодня взбалмошный день! Гости, которых он ждал с раннего утра, приехали лишь четвёртым рейсом. По дороге на пристань под самыми колёсами пробежал какой-то

льчишка, и Дмитрий едва не сбил газетный киоск; и потом, эта драка на пляже. Единственной радостью была неожиданная встреча с Алексеем. Всё-таки очень хорошо, что они встретились. И девушка у него такая красавица. Наверное, они любят друг друга.

Машина свернула в каштановую аллею. Впереди из-за деревьев вышел человек и поднял руку. Дима не сразу его заметил, проскочил мимо, резко затормозил. По старой доброй привычке, которая осталась от бывшего водителя такси, он предусмотрительно приоткрыл дверцу. Человек, не торопясь, приближался к машине. Дима следил за ним в зеркало. Знакомая борода, усы, знакомая походка. Пальцы крепко сжали баранку. Дверь распахнулась.

– Ну, здравствуй, племянничек!

«Соратник по оружию»

1.

По Ворошиловскому проспекту, завывая сиреной, мчалась милицейская автомашина. Группа инспектора Зайцева направлялась к месту происшествия. «Внимание! – доносилось из радиоприёмника. – Всем постам, маршрутам ГАИ и ПМГ. В районе Набережной угнан „Икарус“ с людьми. Срочно примите меры по задержанию вооружённого преступника. Обеспечьте безопасность пассажиров».

Сообщение об угоне автобуса поступило в угрозыск в 22.00. А часом раньше в кафе «Отдых» дружинники задержали подозрительного человека. По их словам он пытался продать огнестрельное оружие. Они задержали и другого человека, покупателя, якобы пожелавшего приобрести опасный товар.

Что же, спрашивается, было дальше? А дальше произошло ЧП.

Угнали автобус, пострадали пассажиры, пострадали и сами дружинники, которые переоценили свои силы (их было пятеро), поверили первым и, разумеется, лживым словам закоренелых преступников. Не осознали всей остроты ситуации парни в красных повязках и далее, чем до порога из кафе, не довели задержанных.

Трагедия разыгралась у дверей, причём покупатель, бородатый мужчина лет сорока, оказался более расторопным. Не успели ребята сообразить, в чём дело, как двое из них, разметав столы, уже летели под ноги музыкантам. Продавец в это время, сбив с ног третьего, нырнул в открытую дверь. Двое оставшихся на ногах дружинников попытались задержать бородатого, но тот, не раздумывая, пустил в ход только что недорого купленное оружие, двумя выстрелами освободив себе выход. Оркестранты, намеревавшиеся было создать музыкальный фон традиционной драке в ресторане, смолкли, потрясённые неожиданной драматической развязкой.

Гражданка, назвавшаяся Скороходовой Людмилой Петровной, сообщила в милицию подробности, связанные с угоном «Икаруса». Она остановила автобус на улице Набережная возле пассажирского причала. Ей пришлось время выходить. Водитель вышел вместе с ней, открыл багажник, достал вещи. Забрав две тяжёлые сумки и поблагодарив шофёра, Скороходова неторопливо зашагала к улице Строителей. Как следует из её рассказа, за телефонной будкой она остановилась, чтобы поменять сумки местами. Когда оглянулась назад, то через открытую стеклянную дверь будки увидела «Икарус», который стоял на прежнем месте, а водитель, торопливо застёгивая одной рукой чёрную куртку, всё ещё почему-то копался в открытом багажнике. Скороходова выглянула из-за будки и с ужасом определила, почему водитель задержался у багажника. А тот тем временем поспешно закрыл его, напялил на голову фуражку, шагнул в автобус; хлопнула дверь – и машина тронулась с места. Сметнув в чём дело, нечаянный свидетель багажного инцидента подхватила сумки и, несмотря на тяжесть в руках, заторопилась с похвальной для её возраста скоростью, но, видимо, вспомнив о гражданском долге или, может быть, о совести, вернулась потом к телефону-автомату.

Милицейская автомашина свернула на Набережную, миновала телефонную будку. Возле причала стоял «Жигулёнок» автоинспекции. Молоденький сержант, подойдя к машине, козырнул Зайцеву.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить? – не рассмотрев в темноте погоны, обратился к инспектору сержант.

– Ну, что тут? – сухо спросил Лев Николаевич.

– Товарищ лейтенант, мы только что выяснили: на этом месте сорок минут назад стоял автобус марки «Икарус».

– Спасибо, сержант. – Зайцев хлопнул дверцей. – На Волгоградское шоссе.

Как только в уголовный розыск поступили данные опроса дружинников и посетителей кафе «Отдых», Лев Николаевич насторожился. По описаниям Скороходовой, человек, угнавший «Икарус», и продавец оружия, задержанный дружинниками в кафе, походили на одно и то же лицо. Это был не кто иной, как Гнутов Виктор Борисович, до недавнего времени самый близкий друг и «соратник по оружию» покойному теперь Карташову. Они сидели в последний раз вместе, правда, Гнутов переехал в места не столь отдалённые на год позже Карташова, но сроки у них кончались в одно время.

У Зайцева были причины для волнений. О такой удаче он и не помышлял. За Гнутова, за эту нитищу он скорее всего распутает клубок, сплетённый из событий и фактов вокруг ограбления университетского тира. И если Гнутов сам не участвовал в деле, то, во всяком случае, должен знать какие-то подробности свершившейся кражи.

Странный народ эти будущие подсудимые. Иной совершит какую-нибудь пакость, а ты гадай, изыскивай логический ход в его «деяниях». А он знать-то не знает логично это или, быть может, нелогично. Кандидату в подсудимые нужны деньги, много денег, или нет у него другого выхода, или, может быть, запутался человек, сошло ему одно «дельце», вот и надеется: авось и вдругорядь повезёт. Однако не перевелись среди рыцарей криминала «золотые таланты», и он мнит себя фантомасом, дескать, ищи его. Уж он-то всё учтёт, ничего не пропустит.

«... идиоты, кто так работает? у них же техника!» – «ха, знаем, знаем мы эти штучки».

«... непонятно: где тут логика?» – «моя логика по-человечески нелогична».

Эх, бедолага, какое тебе дело до нашей логики, а нам бы до твоей. Да только нет такой сути дела, до которой, в сущности, невозможно дойти. Мы живём под одним небом и ходим по одной земле. Мы едим один хлеб и пишем чёрным по белому: человек, бегающий от труда, изменяет своему долгу. Старая истина, но не старше самого человека, потому что не будь этой истины – он так и остался бы на четвереньках в ожидании пока кто-нибудь другой, взяв в руки толстую дубину, не превратил бы его во вьючное животное.

«... погоди, а как быть с достатком, ведь хочется стать и сильнее, и богаче? хочется жить „как я сам хочу“, промышляя себе на пользу?»

«... замолчи; ты и так ушёл по локоть в наживу; тебе нельзя выходить за ворота; тебя ждут нелепые встречи».

«... так, где же она, золотая середина, чёрт возьми?!»

Зайцев достал сигарету, прикурил. Его помощники, младшие лейтенанты Корольков и Джаникян сидели молча, угрюмо поглядывая в окна. Зайцев поднял их с постелей. Сам в субботний вечер собирался отдохнуть среди своих, а тут вдруг такие дела: убегаем, договняем. Но ничего. Этот «фантомас» теперь не уйдёт. Он уверен, что отрубил хвост, и его никто не заметил. Только бы повернул на Волгоградскую дорогу, быстрее бы наступила развязка. Гнутов не опасен. Он боится сесть второй раз. Думал брать его приходили, рванулся из города. Нервы фрайера сгубили, а мог бы выйти из кафе и пешком уйти на четыре стороны. И всё-таки там в автобусе люди, а Гнутов вооружён. Хотя он ни разу не стрелял из своего оружия в человека, и, когда его взяли несколько лет назад с пистолетом в руках, он даже не прикоснулся к предохранителю. Но теперь от него всё можно ожидать.

За городом у поста ГАИ неровной колонной в два ряда сгрудились машины, мотоциклы. Работники автоинспекции проверяли проходящий транспорт. Зайцев и его помощники подошли к стоявшим у мигающих автомобилей людям.

– Инспектор Зайцев, – представился он.

– Младший лейтенант Глушко, – пожал ему руку высокий милиционер.

– Какие успехи? – спросил Лев Николаевич.

– Проверяем все рейсовые автобусы.

– С десяти часов?

- Как получили указание.
- А до этого много прошло автобусов, с девяти часов?
- Да, проходили «Икарусы». Пять или шесть.
- И вы их, конечно, не проверяли.

Лейтенант пожал плечами. Потом спохватился.

- У нас тут контролёры, можно у них спросить.
- Давайте их сюда.
- Петро, позови контролёров, – попросил Глушко молодого милиционера.

Петро вскоре вернулся в сопровождении двух полных женщин примерно одинакового возраста.

– Василий Остапович, это за что же нас арестовали? – не без кокетства спросила одна из них, с интересом разглядывая новоприбывших.

– Зина, – оставив без внимания её шутку, обратился к контролёрам лейтенант, – эти товарищи из уголовного розыска. Их интересуют автобусы, которые вы проверяли от девяти до десяти часов вечера.

Женщины посерьёзтели, повернулись к инспектору, с готовностью ожидая вопросов.

– Скажите, пожалуйста, – начал Зайцев, – сколько прошло автобусов за это время?

– Шесть.

– Всё было в порядке?

– Всё. Вот у нас отмечено. – Зина взяла в руки сумочку.

– Вы знаете в лицо всех водителей?

– Конечно, всех.

– И никакой не было сегодня замены в рейсах или задержки?

– Нет. Всё по графику.

– В автобусе на дальний рейс обычно два водителя. Так? – продолжал инспектор.

– Да. Но у нас некоторые сменные шофёры подсаживаются в дороге. Не все живут в городе. У нас есть такие.

– Послушайте, Зинаида...

– Карповна, – подсказала женщина.

– Зинаида Карповна, может быть вы или ваша подруга всё-таки заметили что-нибудь необычное у водителей в автобусах, которые вы проверяли? Пусть даже мелочь. Вспомните, пожалуйста. Может, водитель торопил вас или был груб или вовсе не хотел говорить.

– В последнем «Икарусе» не было света, – сказала другой контролёр.

– Да, да, – перебила её Зинаида, – мы путёвку отмечали на улице.

– Постой, пусть она говорит, – остановил её Зайцев.

– В автобусе не было света. Ваня сказал, что лампочка перегорела. Он всё кашлял. Тоже мне, называется, вернулся из отпуска.

– Вы видели шофёра в лицо? Это в темноте-то?

– Чего мне на него смотреть, я и так его по куртке узнала. Ванька Шлыков. В Югославию ездил, привёз куртку, вот и щеголяет.

– Опоздали мы. Это он, – сказал Зайцев своим помощникам.

– А что, он натворил чего-нибудь? – почти в один голос спросили женщины.

– Номер этого автобуса! – скороговоркой потребовал инспектор.

– Сейчас, сейчас. – Зинаида торопливо раскрыла сумочку, достала бумаги. – Вот. 58—09 РАУ. Машина отправлена на Волгоград.

– Во сколько это было?

– В 22.00.

Лев Николаевич переглянулся с помощниками, контролёрам сказал:

– Большое вам спасибо. Вы нам очень помогли.

Женщины ушли, пожимая плечами, и уже в стороне от милиционеров подруга Зинаиды вполголоса заметила: «Вот тебе и Ванюша. Съездил за границу».

2.

Красный «Икарус», разрезая белыми фарами ночь, мчался по Волгоградской дороге. Нервно тиская в руках баранку, водитель, пренебрегая дорожными знаками, на предельной скорости гнал тяжело дышащую дизельным перегаром машину. Пассажиры, привыкшие к быстрой езде, не замечали скорости, дремали, откинувшись на спинки мягких кресел. Автобус шёл ровно по корявой бетонке, как застывший в воздухе лайнер. Лишь изредка во время обгона головы пассажиров качались вправо-влево, и снова ровно ревуший двигатель вызывал дремоту.

Людей было немного, в основном женщины, пара ребяташек мерно посапывали, забравшись с ногами на сиденье. На переднем кресле полулежал седой мужчина. Он не спал. Рядом с ним дремала, как видно, его супруга. Ей тоже не спалось. Она часто открывала глаза, с тревогой поглядывая на стремительно убегающую под колёса дорогу. Молодой курсант с «птичками» в петлицах сидел один на местах для водителей у прозрачной зашторенной перегородки за спиной шофёра. При тусклом свете лампочки он листал какой-то учебник, что-то выискивая ему одному известное и нужное в эту минуту.

Автобус проскочил небольшой мост. Машину сильно тряхнуло на переходах, мотор надсадно рявкнул, водитель неумело дёрнул коробку передач, переключая скорость. Пассажиры зашевелились, с беспокойством заглядывали в окна, свешивались в проход, пытаясь разглядеть впереди дорогу. Однако ничего страшного не обнаружили, скоро успокоились. Девушки на заднем сиденье затеяли разговор, весело захихикали. Мужчина, сидящий впереди них, загремев под ногами пустой бутылкой, встал и, покачиваясь, направился в голову автобуса, на ходу шаря по карманам в поисках пачки сигарет. Он покосился на водителя, опустил на нижнюю ступеньку, чиркнул спичкой.

– В автобусе не положено, – буркнул водитель, не отрывая взгляда от дороги.

– Ты чо, Вань? Упал с крыши? То можно, то не положено, – приглядываясь к шофёру, промямлил мужчина.

Водитель сразу осёкся и глубоко натянул на лоб фуражку.

– Слушай, а чо-о ты так тороп-пис-с-си? – снова с трудом заговорил мужчина. – Во, летим. Всё равно Юрку ждать будем. Слушай, Вань, ты мне друг или не друг? З-знаешь...

Водитель повернул к мужчине перекошенное злобой лицо.

– Иди, досыпай! – прохрипел он.

Мужчина открыл рот, не донеся до него сигареты, поводит испуганными глазами по сторонам и, наконец, выдал:

– А... Ванька где? Где... я говорю... где Ванька?

– Я сказал, иди, досыпай! – угрожающе бросил ему водитель.

– Мужчина, не отвлекайте водителя! – послышался из глубины автобуса чей-то голос.

– Тем более пьяный, стоит ещё и рассуждает, – поддержал справедливое замечание другой.

– Ребёнка разбудили! – пожаловалась женщина.

– Товарищи, с-со-покойно! – мужчина поднялся в проход, заметно покачнувшись, поймал рукой подлокотник кресла. – Вы г-гляньте, – указал он себе за спину, – это не Ванька... я Ваньку Шлыкова з-знаю. – И чуть было не упал, навалившись на плечо женщины на переднем кресле.

– Молодой человек, – обратилась она к курсанту, – отведите его, пожалуйста, на своё место.

Седой мужчина тоже приподнялся.

– Только без рук, только без рук! – заявил подвыпивший пассажир. – Я сам, – и, подгибаясь в коленях, двинулся по проходу, размахивая сигаретой.

Кто-то поймал его за руку, поддержал, чей-то сердобольный голос попытался успокоить:

– Вы не волнуйтесь, ну, выпили немного, теперь лягте.

– Что я Ш-шлыкова не знаю! – бормотал пассажир.

Кто-то поддал коленом, усаживая на место.

– Да полегче, всё-таки друг его.

– Какой он ему друг, шофёр брать его не хотел.

Автобус тем временем неожиданно затормозил и свернул с дороги вправо. Пассажиры, наконец, оставили пьяного мужчину в покое и уставились в окна.

– Куда мы едем? – спрашивали они друг друга.

– Водитель, почему мы свернули? – раздался громкий мужской голос.

– Объезд! – коротко бросил тот.

– Странно, я почему-то ничего не заметил, – уже тише сказал тот же голос.

Машина шла почти с прежней скоростью, но теперь «Икарус» подбрасывало на ухабах. Старая асфальтовая дорога в отличие от бетонки горбилась, водитель яростно крутил баранку, объезжая колдобины. Пассажиры притихли, озадаченные странной ездой.

– Вы знаете, у меня всё время что-то погромыхивает под ногами, – вдруг взволнованно сказала одна женщина, обращаясь к своей соседке.

– У меня тоже, – подтвердила другая сзади и громко добавила: – Водитель, здесь что-то стучит в салоне!

Но водитель не обращал на них внимания. Впереди шла «Колхида», доверху гружёная тяжёлыми ящиками. Грузовик подпрыгивал на ухабах. Ящики, заслонявшие кабину, с каждым толчком выползали из-под креплений, приближаясь к краю борта. Дорога становилась всё хуже. Водитель не решался на обгон, выцеживая сквозь зубы ругательства, то и дело нажимал на тормоз, почти натываясь на впереди идущую машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.